3 СЕНТЯБРЯ, СУББОТА

Вчера я схватил двояк за первое же мини-сочинение «Как я провел лето», и мама сильно разозлилась.

Настолько, что купила общую тетрадь и сказала, чтобы я каждую неделю что-нибудь записывал. А если не буду, ей придется ограничить меня в карманных расходах. Так и сказала: «придется», как будто это не от ее воли зависит! А тетрадь, между прочим, купила ТОЛСТЕННУЮ: просто писать не переписать! Так что понятия не имею, когда я ее закончу.

Но мама, если уж пошла на принцип, с ней шутки плохи — возьмет еще и правда ограничит. Так что я, пожалуй, буду иногда что-нибудь тут записывать. Хотя вообще без понятия, о чем. Особенно стремно будет, если мама вздумает проверять ее и ЧИТАТЬ. Поэтому я взял с нее САМОЕ честное слово, чтобы она сюда даже не заглядывала — по крайней мере пока не пройдет лет пятьдесят.

А пару я схватил только потому, что на спор написал сочинение в одно предложение. Нет, оно вышло немаленькое — как обычно, на двойной лист. Просто очень длинное. Ну по приколу, понимаете? А литераторша прикол не оценила, у нее вообще туго с юмором. Даже рядом с двойкой приписала: «Не строй из себя Льва Толстого, Корольков!» И аж три восклицательных знака подряд.

Корольков — это, понятное дело, я. По моей фамилии можно было бы ожидать, что во дворе меня прозовут Король или как-то в этом роде, правда ведь?

Но во дворе меня почему-то вздумали звать — Карлик.

Что-то есть в этом легкомысленное, на мой взгляд. Тем более что роста я самого обычного, не мелкого, и на физре стою не последним, а третьим с конца. То есть раньше третьим, а теперь уже вторым, но ведь главное-то, не последним!

Поэтому раньше я иногда даже дрался, услышав это прозвище. Потом повзрослел, поумнел и перестал. И даже делаю вид, что прозвище супер, нереально крутое, типа белого карлика в космосе. Напираю, в общем, на связь со звездами — но все равно друзей во дворе от этого не прибавилось.

А по поводу училки и ее придирок — чую, из троек по русскому и литре я теперь весь год не вылезу. Это она на меня еще с прошлого года взъелась! За какую-то ерунду, сейчас уже и не помню. Зато она, кажется, хорошо запомнила.

Короче, зря мама только заморачивалась, общую тетрадь покупала. И даже взяла с меня самое честное-пречестное слово, что я не брошу тетрадь, пока не испишу ее до конца.

Пришлось пообещать, под залог будущих карманных денег на целый год...

5 СЕНТЯБРЯ, ПОНЕДЕЛЬНИК

Ну что было интересного за последнее время? Не считая того, что мы всем скопом перешли в шестой класс и после школьной линейки 1 сентября директор привел к нам в класс нового ученика. А точнее даже, прикатил. Вернее, новичок сам прикатился, потому что сидел в инвалидном кресле.

— Знакомьтесь, шестой «А», — сказал директор ошарашенным нам (Алла Сергеевна-то, наша классная, стопудово была предупреждена), — это Кирилл Красавин, он будет учиться в нашей школе как одной из лучших, даже образцово-показательных школ района в рамках нового эксперимента «Равные возможности общения». — У директора были какие-то проблемки в произношении буквы «в», и получилось не «равные», а «разные». — Надеюсь, вы примите его как можно более дружески, — быстрый взгляд на класс, — и поможете ему со вхождением в коллектив, — еще один быстрый взгляд, на этот раз почти просящий, — и всем прочим?

На секунду мне даже стало его жалко. Так сильно он хотел пробить кого-нибудь на сочувствие и вынудить поучаствовать во «вхождении новичка в коллектив». Я понимаю, директор заботился об образцовости и показательности нашей школы, но тут он, честно, малость перестарался. Ведь у нас в классе (и, значит, в школе) уже был один почти инвалид — по слуху. В смысле, тугоухий Славка Городцов. Так что Тихон Петрович, по всему выходит, слишком уж заморочился.

— Конечно, помогут, — подтвердила Алла Сергеевна самым своим непререкаемым тоном. — За какую парту ты хотел бы сесть, Кирилл?

Намного логичнее было бы задать этот вопрос не ему, а нам: кто согласится, чтобы за его парту сел Кирилл? Потому что на голову этого согласившегося чувака сразу же свалится вся тяжесть задачи по «вхождению в коллектив» и прочему. Передвижению кресла по школьным коридорам, например. И хотя недавно в нашей школе, прям как чувствовали, установили пандусы, это ненамного меняло дело. По нашим коридорам носятся такие отчаянные психи, что самому бы голову сберечь, не то что кому-то еще.

Я-то знаю, о чем говорю: в прошлом январе мы с Женьком приволокли в школу скейты и начали соревноваться, кто быстрее съедет на них по главной школьной лестнице.

В первом раунде победил Женек. Во втором, когда требовалось съехать вниз уже по перилам, я планировал отыграться, но тут некстати пришел физрук и за уши (в каждой ручище — по нашему уху) отвел нас к завучу.

Лучше бы к директору Тихону Петровичу, в самом деле: завуч Инна Робертовна была намного опасней его в плане вредности, последствий и звонков родителям. А директор все-таки понимал нас получше и чаще входил в положение.

В общем, по поводу настоящего «вхождения в коллектив» и речи быть не могло — никому не нужны лишние заботы. Максимум, на что стоило рассчитывать новичку — это на отсутствие насмешек. Ну и еще на то, что зубрилы на перемене дадут списать, если сумеет подмазаться.

К счастью, не только я сидел один — еще свободное место было у Илюхи, двоечника и классного клоуна, обитавшего на камчатке (в смысле клоунства у него и нас с Женьком было негласное соревнование с переменным успехом — а теперь, один, я чувствовал, что очень быстро сдам позиции), и Насти Раевской, первой красавице класса и моей пока еще неразделенной любви.

Хотя у нее место пустовало временно, потому что ее соседка отличница Дымакова всего лишь заболела, а не перевелась, так что по факту оставались лишь мы с Илюхой как возможные соседи новичка.

Будь это просто новичок, я бы не возражал. Не успел пройти и первый урок, а я уже задолбался сидеть один: не с кем даже словом перемолвиться, не то что шуткой. Передо мной сидели девчонки, а все девчонки, как правило, зубрилы. По крайней мере, эти не были исключением и раньше постоянно шикали на нас с Женькой, что мы якобы не даем слушать. И, как подозреваю, потом ябедничали Алле Сергеевне.

А сзади сидел тугоухий Славка Городцов, с которым-то и захочешь не пошепчешься. Потому что он чуть что — переспрашивает громовым голосом: «А?» А рядом с ним — наш классный гений Лева Оборин, который получает пятерки по всем предметам и участвует во всех олимпиадах, даже по музыке (только физра портит общую картину), и которому как-то до фени мы и наши шуточки. Он всегда тусит сам с собой, то есть в своих ученых думах. И, кстати, эта же рассеянность и отстраненность странным образом защищает его от

насмешек. Кроме разве самых безобидных, когда становится совсем уж скучно и не находится нужной темы, а на безрыбье и рак рыба, как говорит ба. Хотя сомневаюсь, что Лева даже их замечает. Честно, неинтересно смеяться над человеком, который на это полный ноль внимания!

А вот Илюха, в отличие от нас с Женьком, полный отвязок в плане юмора. Например, он не признает ни за кем ни иммунитета, ни авторитета. Даже своим соседям скидок не делает. А ведь всем адекватам должно быть известно, что над соседом не стоит издеваться: на нем бронь, табу, ведь именно он может дать списать, когда нужно. И сказать Алле Сергеевне, что ты заболел, когда ты проспал или прогулял.

Но, как я уже упомянул, Илюха совершенно отвязен и за прошлый год отвадил со своей парты целых трех соседей, среди которых была даже одна полезная зубрилка, своими шуточками и приколами (на мой взгляд, немного ширпотребными).

У меня же получилась обратная ситуация: я своего соседа не выживал, он сам съехал. В смысле, переехал этим летом вместе с родителями в новую квартиру на другой конец города и потому перевелся в другую школу. Родители, видите ли, не захотели возить его каждый день туда и обратно. Хотя, конечно, могли бы потерпеть до окончания школы, раз уж им взбрела охота покупать новую квартиру, тогда как старая была еще неплоха, и к тому же так далеко от нашей школы!

В общем, Женькино место рядом со мной теперь пустовало, и по этой причине я загрузился. Настолько, что не сочинил за все утро ни одной самой завалящей шутки, хотя прошла уже целая линейка и даже половина первого урока. Если так пойдет и дальше, я, пожалуй, сдам все позиции перед Илюхой еще до конца дня.

Вот и сейчас я прямо чуял, как в его мозгах рождается новая острота, пока все напряженно ждали, к какой же парте подъедет новичок, а тот все медлил.

Интересно, мелькнула у меня вдруг мысль, а как бы Настя посмотрела на меня, если бы я героически взял на себя задачу по вхождению новичка-инвалида в коллектив? Точнее, так: посмотрела бы она на меня как на героя? Это был принципиальный вопрос.

А учителя, наверное, прониклись бы ко мне участием за это нелегкое дело, если бы я за него взялся, и закрыли глаза на некоторые прошлые косяки. Особенно Алла Сергеевна, которая, кажется, наточила на меня уже большущий зуб за прошлый год. Хотя мы с Женьком ничего особенно хулиганского и не делали, просто прикалывались на переменах и выдумывали всякие разности, чтобы всем было веселее. Да и вообще это дело прошлое, так что стоит ли ворошить?

Илюха уже открыл рот, явно собираясь выкрикнуть что-нибудь прикольное, когда я слегка махнул рукой новичку. Можно сказать, предоставил дело судьбе: если он заметит, так тому и быть, а если нет — тоже неплохо, меньше заморочек. Новичок заметил, и его лицо как будто прояснилось, как бывает, когда примешь решение, и уверенно подкатил к нашей с Женьком парте. То есть теперь моей.

Я тут же засомневался: не пожалею ли об этом порыве? И даже почти пожалел, однако отступать было некуда. Не прогонять же его теперь, в самом деле.

По крайней мере, не на глазах у Тихона Петровича и Аллы Сергеевны — это было бы совсем не образцово-показательно.

14 СЕНТЯБРЯ, СРЕДА

Родители у Кирилла оказались довольно богаты — да я и сам мог бы заметить это раньше по его навороченному креслу. Это же не кресло, а настоящий почти гоночный болид! Мало того что он был на колесиках и Кирилл сам мог управлять им как машиной, так еще и развивал нехилую скорость. Сходство с болидом особенно усилилось, когда я встал на закорках и принялся громко отдавать команды: «Право руля, лево руля, прямо и тормози!», когда мы начали кататься у него во дворе. Его дом стоял на той же стороне улицы, что и мой, просто на квартал ближе к школе.

А потом я немного отвлекся, выкрикивая команды, а Кирилл слишком разогнался, и я не удержался на повороте и полетел носом в траву. Хорошо что в траву, а не в асфальт, но кровь из носа все равно пошла. Нос — это вообще мое слабое место. Вот и пришлось зайти к Кириллу домой, чтобы взять там какой-нибудь платок, намочить и приложить к переносице — мама всегда так делает, и всегда помогает. У меня-то дома сейчас только бабушка, а она наверняка разохается, распереживается, что я будто бы подрался, а потом меня же в этом и обвинит — мы это уже проходили.

У Кириллова подъезда тоже оказался пандус (все-таки новый дом), так что проблем с заездом не возникло. А когда мы уже поднялись на лифте на пятый этаж и подошли к его двери, кровь сама по себе перестала, но резко развернуться и пойти назад мне показалось сейчас как-то глупо. Поэтому я решил просто взять платок, намочить его и только после этого уйти.

Дома у Кирилла оказалась только его мама. Когда он представил нас друг другу, Любовь Петровна всплеснула руками и спросила, откуда у меня кровяные разводы на рубашке. Неужели подрался с кем-то? Почему-то я даже не удивился ее вопросу. Уже привык, что женщины часто мыслят в схожих направлениях.

— Нет, мама, — скованно ответил за меня Кирилл, — у Ромы просто кровь из носа пошла.

Я прямо почувствовал по его голосу, как ему неудобно.

Однако Любовь Петровна и не думала успокаиваться:

— Ты себя плохо чувствуешь, Рома?

Я твердо ее заверил, что это пустяки и у меня уже сто раз так было (о гонках во дворе я, само собой, решил умолчать, как и Кирилл). Только после этого она немного успокоилась и предложила мне умыться и выпить чаю. Умыться я, конечно, не отказался, а вот чаепитие с Кирилловой мамой никак не входило в мои планы.

Но едва я вежливо ответил: «Я не хочу, спасибо», как тут же пожалел о своих словах. Потому что по аромату с кухни запоздало догадался, что до нашего прихода Любовь Петровна пекла булочки, или ватрушки, или даже шарлотку. В общем, что-то очень вкусное и со сладкой начинкой...

В общем, так и вышло, что я задержался у Кирилла дольше, чем планировал, — в надежде, что его мама снова предложит чай.

Честно, я никогда еще не видел столько прикольных штук в одном месте! А именно — в комнате у Кирилла. В ней вообще многое могло поместиться, потому что она была просто безразмерной — метров пятнадцать, не меньше. Под стать всей квартире. В такой хате неподготовленному человеку легко можно и заблудиться. Я насчитал тут комнат пять, не меньше, и все выходили в одну большую, шестую — и уж она переходила в не менее громадную кухню.

А кухня вообще, надо сказать, мое любимое место в любом доме. Особенно когда в ней готовят что-то очень вкусное — пирожки, например, или булочки...

Когда Любовь Петровна вернулась на кухню, мы еще немного погоняли на «болиде» по всем комнатам — они соединялись общим круговым коридором, так что кататься можно было без проблем. Эта квартира словно создана для того, чтобы гонять по ней кругами!

Но я уже немного утратил интерес к гонкам и начал раздумывать — не будет ли слишком подозрительно, если я как бы невзначай вкачусь в кухню (по ошибке или по силе инерции) и врежусь прямо в поднос с булочками? Так что Кирилловой маме не останется ничего другого, кроме как предложить мне пару-тройку штук. В знак извинения, что гостя в их доме может так занести на повороте. Или там пять-десять.

Я бы все взял — я могу слопать их сколько угодно (бабушка говорит, не в коня корм), а Любовь Петровне будет приятно. Не откажусь даже и от добавки. И в тот момент, когда я уж совсем собрался дернуть за поворотник Кириллова кресла и свернуть в сторону не комнаты, а кухни, его мама позвала:

— Эй, гонщики, еще не проголодались?

И, в принципе, это были самые приятные слова, которые она могла бы сейчас сказать. Я тут же крикнул: «Лево руля!», и мы порулили на ее голос и обалденный булочковый запах.

20 СЕНТЯБРЯ, ВТОРНИК

У Кирилла оказалась настоящая куча самых новых игр на компе, и, пожалуй, только они и могли отвлечь меня от вкусняшек, которыми оказалась завалена его кухня. Их было так много, что даже я уже не мог съедать все на месте и завел привычку приносить оставшееся домой, чтобы доесть чуть позже и без помех. Должна же быть для меня хоть какая-то компенсация за то, что я дружу с инвалидом, если пока учителя и не думают отмечать это хорошими оценками, а Настя как не смотрела в мою сторону, так и не смотрит.

Иногда я уже начинаю думать, что даже у Кирилла больше шансов завести с ней разговор, чем у меня.

Но вернемся к нашим булочкам. Легкомысленно принеся их домой, я легкомысленно положил их в наш холодильник, на радостях совершенно упустив из виду одну деталь. А именно — свою сестру.

Иметь подобную старшую сестру — это, признаться, то еще наказание. Не знаю, как ведут себя другие старшие сестры, а Маринища ведет себя так: все свои косяки беспардонно списывает на меня, а все мои достижения старается представить как СВОИ. Это вдвойне несправедливо,: потому что у меня и своих косяков хватает, а вот достижений как раз пока маловато. Да и за те не особенно хвалят.

А обращаться за помощью к родителям по вопросу справедливости бесполезно. Потому что, во-первых, мама считает Марину умищем. Даже так: УМИЩЕМ. Только на том основании, что в ее дневнике одни пятерки и четверки. Хотя, зная ее натуру, я иногда задаюсь вопросом: уже не дергает ли она домашки и не списывает ли контрольные у своего ботаника-соседа? А во-вторых, у папы есть твердое и неудобное правило — поддерживать всегда маму (ну или почти всегда).

В общем, когда я запалил, что Марина тырит МОИ пирожки и булочки, было уже слишком поздно...

29 СЕНТЯБРЯ, ЧЕТВЕРГ

Ура! Литераторша Виктория Степанна уходит в декрет! То есть нам-то сказали, что просто в долгий отпуск, но девчонки точно все разузнали.

И вместо нее директор представил нам нового литератора — Игоря Валентиновича. Не знаю, сложатся ли у нас отношения с ним, но то, что он мужчина, уже несколько обнадеживает. Потому что наш директор тоже мужик, и мы с ним, несмотря на некоторые разногласия, все же находим «точки соприкосновения». В отличие от прежней горластой директрисы!

А Игорю Валентинычу мы сразу же дали кличку — Угар.

4 ОКТЯБРЯ, ВТОРНИК

Оказалось, что в прошлой, «особенной» школе Кирилл был отличником и вроде не собирался перестраиваться и в нашей. Учителя ставили ему пятерки не из-за инвалидного кресла, а за ответы на уроки и домашнюю работу — а это о чем-нибудь да говорит!

Так что в плане оценок Кирилл был ничуть не хуже даже Марины и к тому же зарабатывал их своим трудом. Но ему это и проще — никто, например, не обзовет его ботаном за старание, потому что с инвалидами не принято так обращаться.

На контрольной по алгебре он сделал свой вариант намного раньше времени и уже хотел тянуть руку, чтобы сказать об этом Алле Сергеевне, но я успел пихнуть его в бок. И спросил — ему ведь несложно сделать и мой вариант? Заодно проверить еще раз свои знания. А я готов предоставить ему эту возможность, потому что, на его удачу, не успел вчера подготовиться.

Кириллу было несложно, и он сделал мой вариант даже быстрее, чем свой. Я чуть было не заподозрил, что он схалтурил, но на следующий день Алла Сергеевна выдала мне мою контрольную с маленькой скромной пятеркой внизу. И при этом так подозрительно на меня косилась, что стало даже обидно. Думаю, на следующих проверочных она не будет сводить с меня глаз, и даже мое выгодное место (я сижу в дальнем от ее стола ряду у окна, за третьей партой, а Кирилл соответственно у прохода) тут мало поможет.

8 ОКТЯБРЯ, СУББОТА

Сегодня я окончательно осмелел и стащил с Кирилловой кухни целых десять пирожков — его мама в этот раз просто превзошла себя и сделала их с грибной начинкой, теперь моей любимой!

Я вернулся с этим уловом в комнату Кирилла. По официальной версии я ходил в туалет, а так как здесь их целых два, то и заблудиться недолго. А он, оторвавшись от компа, на который загружал новую игру (я давно о ней слышал, но все не случалось поиграть), предложил, если что, звать его просто Кир. Мол, так зовет его мама. И тут же, почти без перехода, добавил, что не хотел переходить в нашу школу, в старой у него были приятели, а с новой неизвестно бы еще как срослось, но мама настояла и он теперь не жалеет. Все-таки с приятелями они общались только в школе и даже во дворе не гуляли.

Я еще удивился про себя — как это он планировал тусить во дворе с приятелями, и главное, чем заниматься? Не в мяч же играть? (Но промолчал, конечно.)

Вообще мне стало немного не по себе, что он вдруг так серьезно заговорил об этом, — до этого мы два часа спокойно играли, и все было ништяк. Даже его мама не мешала, а просто готовила себе на кухне, в то время как мои предки уже бы сто раз спросили, чего это я до сих пор не делаю домашку. Но тут аромат грибного пирожка пересилил все беспокойство, и я опомнился лишь тогда, когда уже проглотил два или три.

12 ОКТЯБРЯ, СРЕДА

Сегодня с утра я подумал, как же несправедливо устроен мир: у Кира и его родителей на троих аж шесть комнат (вместе с гостиной), а их там живет ровно трое, и к тому же его отец постоянно мотается по суперважным и срочным командировкам.

Кем он работает, я как-то не спрашивал, но, видно, большой шишкой, раз без него в этих командировках никуда. Я и видел-то его за это время только пару раз, точнее даже, полтора, потому что во второй раз он сидел на кухне и с очень уставшим видом ел суп, так что мы только обменялись приветствиями.

Зато в первый раз Андрей Стефанович выспросил у меня все что можно обо мне и даже немного о моей семье, так что я уж начал думать, не служит ли он в контрразведке. Он как раз задавал вопрос о месте работы моего отца, когда в кухню въехал Кир и, сильно покраснев, потребовал у него перестать.

Потом в комнате Кира разговор у нас зашел про животных, и я сказал, что раньше хотел завести собаку. А Кир смущенно признался, что родители позволили ему завести только черепаху, хотя он тоже хотел собаку, но с ней ведь нужно гулять и даже бегать и все такое.

Но черепаха тоже в принципе неплоха, особенно когда так прикольно вытягивает лапы и морду, греясь на мостике под лампой... А так у них разделены обязанности: Кир ее кормит, а родители — в основном мама — меняют воду, так что хлопот почти никаких. Да и живут черепахи долго и вроде даже немного поддаются дрессировке, так что он не в претензии...

Тут Кир, окончательно смутившись, умолк, хотя я, хоть убей, не понимал, чего он так стремается. Ну че-

репаха и черепаха, что такого. Сидит себе спокойно, смотрит или спит и никого этим не напрягает.

У нас вот, например, вообще нет никакого животного — и я даже не представляю, куда бы мы его впихнули. Поэтому и попрощался с мечтой о собаке.

Мы ведь, в отличие от Кировой семейки, ютились вшестером в обычной трешке. Я, мама с папой, Марина, младший братец Тошка (еще детсадовец) и бабушка. Причем меня вынудили ютиться с Тошкой в самой маленькой комнате. Мне даже спать приходилось на двухэтажной кровати — на верхнем ярусе, конечно. Я просил его хотя бы летом переезжать на наш застекленный балкон. Там тепло и хорошо, и даже уютно, учитывая неимоверное количество бабулиных цветов в горшках, однако Тошка наотрез отказывался. Просто его, по-моему, слишком часто и необоснованно балуют, вот и не слушает старших...

Тут я вдруг подумал, что будь у меня собака — хотя бы маленький терьер — я бы, наверное, назвал ее Дымок.

— Я даже в той школе никому про Фишку не рассказывал, — признался между тем Кирилл.

А вот это меня уже начало напрягать — эти постоянные упоминания о прежней школе и прежних приятелях. Я-то, например, не вспоминаю каждые пять минут про Женьку, а только когда это необходимо для дела! Тогда как скучаю-то я по нему уж всяко больше, чем Кир по своим приятелям, с которыми они даже во дворе не тусили.

Эта мысль вызвала у меня новые переживания. Мы договорились с Женьком каждый день созваниваться хотя бы через день и гонять вместе мяч или еще что. И в принципе в июне почти так все и было — ну, может, просто пореже, чем запланировали, но сойдет. В июле я поехал в лагерь, а Женек — на море, но мы продолжали если не созваниваться, то хотя бы переписываться. Ну а в августе мы созвонились всего несколько раз, а встретились и того меньше.

И ничьей вины тут, наверное, нет — как говорит ба, это жизнь. Сейчас-то уже Женька по-любому нашел целую уйму новых приятелей, не считая нового соседа, — он всегда был парнем общительным. Ну а я, оставшись в одиночестве — мы с Женькой больше подкалывали ребят из класса, чем с ними дружили (кто же знал, что он подложит мне такую свинью!), сумел закорефаниться с одним только Киром. Да и то с некоторыми оговорками.

15 ОКТЯБРЯ, СУББОТА

В классе Кир медленно, но верно завоевывал авторитет. В основном потому, что легко давал списывать всем желающим, не хуже зубрилок, и его даже не требовалось уговаривать и обещать всякие ништяки. У самих зубрилок это, правда, особого восторга не вызвало — как и у меня. Потому что Кир был мой сосед, я первый не побоялся сесть с ним и заговорить, несмотря даже на его коляску. А мой сосед не может быть популярнее меня — это основное правило соседства. Женек, например, его твердо знал и никогда не нарушал равновесия.

Я еще могу быть популярнее, в силу врожденного обаяния и приобретенной харизмы, но не мой сосед!

Однако когда я прямо намекнул Киру, он даже не понял, о чем речь.

— Ну да, я даю списывать, — не стал отпираться он, — а что такого? Мы в старой школе часто выручали друг друга...

— Сейчас ты не в старой школе, — перебил его я, раздраженный новым упоминанием о прошлом, — а тут ты делаешь за них почти всю работу, а они от этого потупеют и ничего не добьются в жизни. Ты этого, что ли, хочешь?

В общем, меня слегка занесло (всплыла одна из фразочек, которые часто использовала мама, когда песочила меня при молчаливой поддержке папы), но на Кирилла моя речь, по ходу, произвела впечатление. Он нахмурил лоб и после паузы кивнул:

— Наверно, ты прав. Я не подумал. — Потом речь зашла о другом — о новой игре, которую он как раз собирался опробовать. И я решил, что, если и перегнул палку по части пафоса, Кир не подал виду — а значит, все ок.

17 ОКТЯБРЯ, ПОНЕДЕЛЬНИК

О разговоре про списывание Кир явно не забыл, потому что сегодня на проверочной по алгебре никому не дал списать, прямо как отрезало. И его популярность сразу после урока сильно пошатнулась.

Правда, этот новый Киров принцип не распространялся на меня.

Потому что, к счастью, я сумел внушить ему с достаточной твердостью, что из меня при любом раскладе выйдет толк, что я не собираюсь связывать свою жизнь с наукой и уж всяко найду, у кого списать, а вот найдет ли еще Кир такого потрясного друга, как я, — это еще вопрос. Последнее соображение, видимо, его и проняло, и я продолжил списывать у него все, что душе угодно. К зависти всех одноклассников, потому что, в отличие от двух наших зубрилок-подружек и Дымаковой, писал он не как курица лапой, а четко, аккуратно и вполне разборчиво.

19 ОКТЯБРЯ, СРЕДА

Сегодня у нас Гарик Косилов отчебучил. Вообще-то он Игорь, но пафосно называет себя Гариком, что, на мой взгляд, ему совсем не идет и потому выглядит нелепо. Гарик должен быть какой? Веселый и заводной — в общем, свой в доску парень, а наш Гарик полная этому противоположность. Он ходит вечно хмурый и мрачный (а иногда и нечесаный), будто вот-вот выдаст небывало умную мысль — но что-то все никак не выдается.

Так вот, этот самый угрюмый Гарик взял да и притаранил в школу собаку, которую подарили ему родители. Точнее, щенка — такого же лохматого, как Гарик, но меньше его, наверное, раз в сто. На этого несчастного щенка без слез не взглянешь. Да и чтобы вообще что-то разглядеть, нужна нехилая лупа. Что это вообще за собака такая — той-терьер? Это не собака, а одно сплошное недоразумение, на мой взгляд. Просто ни о чем. Поэтому я решительно не понимал, чего этот Гарик так зазнается.

Правда, один профит он все же сумел срубить — на первой же перемене его окружили наши девчонки и немедленно завизжали. Девчонок ведь хлебом не корми, дай только повизжать вдоволь и порассматривать что-нибудь мелкое, пушистое и с глазами, а еще лучше потискать. Даже Дымакова меня разочаровала, не удержалась от искушения — а я-то всегда считал, что это не девчонка, а кремень.

Но в принципе меня бы все это даже не слишком задело — такова уж женская природа, что с них взять, — если бы в этой девчачьей толпе не оказалась и Настя. И больше того, даже пару раз улыбнулась этому охламону Гарику и его глупому мини-щенку, который наверняка наделал лужу в Гариковом портфеле еще по дороге в школу.

По поводу Настиной улыбки — это был уже явный перебор. Так что я только вздохнул с облечением, когда в класс зашла наша физичка Роза Яковлевна и, привлеченная девчоночьим визгом и тявканьем щенка, незаметненько приблизилась к ним сзади. То есть я-то заметил, но сделал вид, что старательно изучаю учебник. Делать мне больше нечего, кроме как пялиться на чужих глупых щенков.

А Роза Яковлевна, даром что ей сто лет в обед (ну не меньше шестидесяти стопудово) и весит она тоже примерно под сто кэгэ, умеет подкрадываться ОЧЕНЬ неслышно. Поэтому все аж подпрыгнули на месте, когда она поинтересовалась своим трубным голосом, который иногда «включает»:

— И что это вы там рассматриваете, а? Покажите, мне тоже интересно.

Гарик, конечно, сразу начал прятать щенка в сумку, но было поздно — физичка его уже запалила. И отправила вон с урока домой, потому что притаскиваться в школу со своей живностью не полагается. У нас есть свой живой уголок — в смысле, большой аквариум с рыбками в рекреации на втором этаже. Что же нам еще надо, хотелось бы ей знать?

У Гарика на ее вопрос не нашлось ответа (говорю же, парень он так-то немногословный, это одноразовая слава вдруг вскружила ему голову). И поэтому он понуро и, как обычно, молча отправился со щенком восвояси.

Правда, если бы кто-то поинтересовался МОИМ мнением, я бы сказал, что это никакое не наказание, а второй его профит от щенка. Но все равно я был рад, что Гарик больше не станет мельтешить в школе со своим той-терьером.

Может, это немного сбавит с него спесь, а главное, убедит, что Настя Раевская улыбалась вовсе не *ему*, а щенку?

22 ОКТЯБРЯ, СУББОТА

Сегодня родители купили в коридор шведскую стенку. Точнее, папа купил, по собственной инициативе.

Лучше бы он эти деньги на ремонт отложил, хмуро заметила мама. Зато дети будут спортивными, бодро оправдался папа. Ну-ну, сказала мама, и на ее лице явно читалось сомнение.

У меня, кстати, тоже имелись сомнения.

Нет, правда, лучше бы он на эти деньги купил телик в мою комнату, и еще бы осталось на разные ништяки! Но говорить об этом я папе не стал, уж очень он казался довольным своей идеей, когда хмурый рабочий наконец закончил со стенкой, а мама отправилась в магазин, все так же с сомнением качая головой.

Пришлось мне одному отдуваться и даже подтягиваться, как бы от радости. Правда, подтянуться вышло не больше трех раз, да и то двух с половиной, если уж по чесноку, потому что на третий папа меня просто поддержал.

Но он сказал, для начала неплохо. А стоит мне привыкнуть и ежедневно позаниматься хотя бы месяц-другой, как я немедленно подтяну результат.

ЕЖЕДНЕВНО — это папа, конечно, загнул!

Про себя я усомнился, что буду подходить к турникету слишком уж часто — даже после трех подтягиваний у меня на руках появились мозоли. Хотя пускай себе стоит, не жалко. А если кто зайдет в гости и спросит, я скажу, что на нем подтягивается Марина и поэтому стала такой квадратообразной. Кстати, про ее «квадрат-

ность» я даже не навру: она просто какой-то кубик Рубика на ножках.

На этой самой шведской стенке, хотя она и была небольшая, болталась еще, кроме турникета, всякая фигня — канат и боксерская груша. И веревочные качельки, которые, кстати, были единственной дельной штуковиной во всей этой глупой конструкции. Они были пока свернуты и заткнуты за стенку, но я понял, что буду использовать их чаще всего.

24 ОКТЯБРЯ, ПОНЕДЕЛЬНИК

Сегодня на уроке литры происходил разбор наших недавних сочинений. Игорь Валентинович (мы его прозвали, как я уже упоминал, Угар, потому что иногда, читая нам что-то, он входил в настоящий раж и угар и мог нехило отжечь) с серьезным видом разбирал распространенные, как он их называл, ошибки. А я в это время смотрел в окно, как воробьи скачут по ветке туда-сюда и меряются силами. Воробьи вообще были явно не дураки подраться. Это зрелище оказалось таким увлекательным, что я чуть не подпрыгнул, когда Кир толкнул меня под локоть. Выяснилось, что Угар дошел до разбора МОЕГО сочинения. Я выпрямился и сделал вид, что весь урок только его и слушал.

Игорь Валентинович сообщил, что написано оно ничего так, гладко, жаль только, что совершенно не по теме. Больше про мое собственное житье-бытье, а не про сражения давно минувших дней. И хотя видно, что читаю я много, почему-то «Слово о полку Игореве» не попало в список моих приоритетов. У него, Игоря Валентиновича, вообще сложилось впечатление, что я читаю все что угодно, но только не то, что задано по теме. И вот он, Игорь Валентинович, хотел бы выяснить: что не так с книгами из списка ДЛЯ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ПРОЧТЕНИЯ?

Класс в предвкушении замер, готовый грохнуть от смеха в любую секунду. Это был очень тонкий момент. Все зависело от того, что я скажу.

Но не говорить же Угару правду! Что читать книги по списку совершенно неинтересно как раз потому, что надо. Вот если бы их перенесли в список КНИГ, КОТОРЫЕ ЧИТАТЬ НЕЛЬЗЯ НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ, — это была бы совсем другая история. Дело бы тогда пошло куда живее. Но не мог же я всерьез внести такое предложение! У меня уже имелся опыт предложения новаторских идей, и НИ ОДНА из них не встретила достойного приема.

Честно, я даже отчаялся что-то поменять в этой системе. Поэтому вместо пламенной речи, уже оформившейся в моей голове, промямлил только:

— Э... я читал, просто не все запомнил...

И тут класс грянул смехом, как давно к тому готовился. Просто по привычке, наверное.

Смеялись все, кроме Кира и еще Дымаковой и Левы Оборина. Но Лева всегда витает в своих мыслях и вряд ли вообще слышал наш диалог, а Дымакова в принципе не смеется. У нее образ этакого крутого парня, и она делает все возможное для его поддержания.

— Тогда прочитай это произведение ЕЩЕ РАЗ, — с нажимом посоветовал Угар, — и постарайся побыстрее, чтобы в пятницу сдать мне проектную работу по этому произведению.

Вот так номер! Еще НИКОМУ с начала года не задавали проектную работу — эта хренотень полагается нам не чаще раза в год, обычно где-нибудь в мае. Это ведь НАМНОГО БОЛЬШЕ, чем сочинение! Ее надо накатать минимум на десяти страницах. И вступление, план работы и выводы должны быть выделены особо, на отдельных листочках! В общем, такое дело совсем не для нескольких дней. И если по чесноку, я сомневаюсь, что написал бы ее и за две недели.

Однако когда Угар в таком настроении, с ним лучше не спорить. Поэтому я лишь уныло кивнул.

А спустя пару секунд, обмозговав все, снова себя похвалил. Да, все-таки умно было пригласить отличника Кира именно за мою парту.

Потому что, если уж ОН не справится с этой задачей, то я уж и не знаю, кто справится... Разве что наши зу-

брилки, но их я обычно приберегаю на крайняк, потому что от частого использования они начинают кукситься.

26 ОКТЯБРЯ, СРЕДА

Сегодня вечером Кир принес мне почти выполненную проектную работу (оставалось только переписать ее на чистовик и проставить имя, фамилию и дату) и заодно впервые побывал в нашей квартире. Или, как ее можно назвать по сравнению с его хоромами, квартирке.

Даже еда, которую состряпала на скорую руку ба, как будто не вызвала у него отвращения. Хотя никаких свежайших булочек, конечно, не было, потому что мама, единственный сносный пекарь в семье, все утро провела с Тошкой в детской поликлинике. И если Кира поразила теснота нашей квартирки или многочисленность семейки, которая за обедом оказалась тут как тут, почти вся в сборе, он не подал вида.

За столом не было только Марины. Она как раз намылилась в свою музыкалку (ха, с такими короткими пальцами из нее пианистка — как из меня балерина!). И поэтому после обеда, когда Кир уже ехал к двери и остановился напротив «стенки», я без помех наплел ему про Маринкины занятия на ней. Благодаря которым Маринища как бы и приобрела свою кубико-рубиковую форму. Однако он не засмеялся в нужном месте, а сказал не без уважения: «Молодец, занимается и спортом, и музыкой».

Как будто повисеть на турникете — это значит заняться спортом! Если судить по этому принципу, то я как спортсмен даже круче. Я-то хотя бы на нем подтягивался. Целых три раза. И уже совсем собрался разъяснить Киру этот нюанс, как в коридор вышел папа, и я прикусил язык.

— А пойдем покатаемся на качелях, — вместо этого тихо предложил я и снова прикусил язык. Во-первых, какое «пойдем»? И во-вторых, как Кир будет кататься-то? Вот конфуз! Блин, кажется, я уже настолько к нему привык, что, по ходу, начал забывать, что он колясочник. Однако Кир и глазом не моргнул:

— Давай, если поможешь пересесть.

— Давай я помогу, — вмешался папа, как оказалось, слышавший весь разговор, и я был ему ужасно благодарен за это предложение.

Если честно, я даже не представлял, как стал бы перетаскивать Кира из кресла на эти качели — висячие, веревочные и какие-то ненадежные.

Все-таки спорт, если честно, не мой конек. Я сильнее по части мозгов. А вот у Кира, как выяснилось, руки довольно прокачанные — благодаря им он и удержался на этих веревочках.

— Весело у вас, — сказал Кир на обратной дороге.

Он ехал на медленной для себя скорости, а я шел рядом.

Я тут же насторожился. Не скрывается ли здесь какого подвоха? Однако Кир, похоже, не насмехался. По крайней мере, больше ничего не добавил на эту тему.

— Кажется, мама с папой снова решили подарить нам братишку, — зачем-то ляпнул я. — Или сестренку. — Надеюсь все же, что брата: только второй Марины мне для полного счастья, как говорит па, и не хватало.

— Правда? — Кир, по ходу, обрадовался даже намного больше, чем я, — если мои эмоции вообще можно назвать радостью. — Это же здорово!

— Что же тут здоровского? — переспросил я несколько уныло. — У нас и так места нет, а тут еще будут крики и визги на весь дом...

— Зачем ты так? — Кир от удивления даже остановился, нажав на тормоз.

Ну конечно, что ему: живет в своих хоромах и в ус не дует. И делиться игрушками и конфетами его никто не заставляет. Посмотрел бы я, как бы он запел на моем месте... Я только махнул рукой и ускорил шаг — пускай догоняет, если хочет.

Кир еще чуть помедлил и вдруг нажал на старт. Причем врубил сразу, видно, первую скорость. Потому что я успел только услышать сзади — вжик! — как под мои колени ударили подлокотники, и разогнавшийся «болид» потащил меня на себе, чуть ли не на коленях у смеющегося Кира. Кресло-то у него было крепкое, могло и двоих выдержать, однако моя гордость сильно пострадала.

Есть все-таки один минус в дружбе с Киром: ему никак нельзя навесить пару хороших тумаков, чтобы вправить мозги...

28 ОКТЯБРЯ, ПЯТНИЦА

Кирова проектная работа, кажется, пришлась Угару по душе, по крайней мере, он вернул мне ее с четверкой и без единого слова критики. От этого я настолько осмелел, что даже поинтересовался после урока:

— А почему четыре, а не пять?

— Потому что эта работа предполагала индивидуальный подход, а не работу в группе, — не моргнув глазом ответил Угар. — Может, и неплохо, что ты сумел активизировать кого-то на совместную деятельность, но мне все же хотелось бы прочитать именно ТВОИ мысли. — Он как-то обо всем пронюхал! Ну а я не нашелся с ответом, хотя и знаю главное правило: если поймали не с поличным, отнекивайся до конца. — Подумай, Роман, — продолжил Угар вполне миролюбиво (как будто я только тем и занимаюсь, что постоянно думаю, даже

голова иногда устает). — Раз уж ты так любишь приводить в сочинении примеры из своей жизни, что бы ты мог сказать лично о себе? Когда напишешь, положи мне на стол, можно до конца недели. А теперь иди, а то сейчас уже звонок на следующий урок будет.

Я пошел и по дороге на физику задумался. Что бы я мог о себе рассказать?

Я, Роман Корольков, двенадцати с половиной лет, люблю Настю, разные книжки про приключения, петь с классом (но не соло!), видеоигры, поспать с утра, конфеты и когда мама готовит какао. С недавних пор еще — булочки с марципаном и пирожки с грибами. Не люблю химию и алгебру, когда с утра будят, когда Марина дразнит, а мелкий начинает докапываться своими «почему» и «зачем», как какая-то вопрос-машина, когда физра стоит первым уроком и приходится идти на следующий взмыленным, как лошадь. Еще вспомню — допишу.

А, еще когда ба включает радио ретро, а Марина из духа противоречия врубает хеви-метал в их с бабулей комнате и пытается ПОДПЕВАТЬ. Никогда не мог понять этого: почему некоторые люди так упорно стремятся петь? Маринин голос можно использовать как сигнализацию против угона: тогда ни один угонщик в здравом уме даже не приблизится к этой машине.

Еще я просто НЕНАВИЖУ эту новую школьную форму, которую ввели с пятого класса и которую мама купила в детском универмаге. Она сидит на мне как-то по-дурацки. По-моему, даже Кир в своей форме выглядит лучше, чем я. А он, на минуточку, — колясочник!

И еще я не очень-то люблю физру по той причине, что стою теперь по росту вторым с конца. Пока Женек не перевелся в другую школу, я был третьим, так что если и Лева Оборин теперь свинтит в другой район, я вообще окажусь самым мелким в классе! А я хоть и люблю оказываться в чем-то самым-самым — в этом случае явно нечем будет похвастаться. Я даже как-то попытался убедить Льва НИ ЗА ЧТО не покидать нашу школу, но, по-моему, он меня даже не слушал.

Ну а главное — если бы кто знал, как мне иногда В ЛОМ учиться.

И даже не иногда. И в такие моменты в школу я собираюсь через силу — так, как будто мне сто лет. А между тем в школу-то приходится *бежать*, потому что вставать слишком уж рано мне тоже неохота.

И при этом нужно еще успеть принять *правильный* вид для вхождения в класс. Причесать волосы, одернуть форму и прочее.

Я вообще заметил, что многие ученики ведут себя в корне неверно, опаздывая на урок. А ведь очень многое, если не все, зависит от того, как ты поздороваешься и что скажешь в свое оправдание. Оправдание должно быть очень кратким и емким, например:

— У соседки с самого утра окотилась кошка, а я помогал.

А приветствие — это вообще самая важная часть, на мой взгляд.

Многие делают так: выпаливают что-то вроде «здрств» и норовят прошмыгнуть на свое место, как будто так и надо. Ошибка! То ли дело сказать вежливо «Здравствуйте, извините за опоздание, у соседки кошка с утра окотилась, пришлось помочь» — и скромно опустить глаза, дожидаясь разрешения сесть на свое место. Это производит совершенно ДРУГОЕ впечатление! Я, например, всегда так поступаю. То есть причины каждый раз разные, но принцип тот же.

И поэтому в моем дневнике нет пока еще НИ ОДНОЙ двойки за поведение. По другим предметам — сколько угодно, а вот за поведение — не-а.

31 ОКТЯБРЯ, ПОНЕДЕЛЬНИК

Начались осенние каникулы.

Ура!!!

Плюс в моем дневнике на этот раз троек за четверть меньше, чем четверок! Плюс еще выпал снег, потом растаял, потом снова выпал и снова растаял, так что появилась куча дел во дворе — сторожим вот, когда снова выпадет. Поэтому сейчас писать нет времени, занят, напишу что-нибудь попозже.

2 НОЯБРЯ, СРЕДА

Не успеваю записывать, очень занят!

7 НОЯБРЯ, ПОНЕДЕЛЬНИК

Мне тут пришла в голову клевая идея — подарить на Новый год Киру щенка. Хотя бы терьера. Тогда его родители не смогли бы его не принять, ведь от подарков-то не отказываются. А мы бы с Киром могли с ним гулять и играть после школы.

Мы же все равно теперь тусим во дворе — так, собственно, и прошла вся неделя осенних каникул. Оказалось, что играть с колясочником не так уж и безрадостно. Правда, к нам теперь иногда еще присоединяется один из старых Кировых приятелей. Точнее, сам Кир приводит его чуть ли не за руку — тот парень как будто вечно в ауте. На мой взгляд, Кир тратит на него необоснованно много времени и слов, а тот максимум что сделает — быстро взглянет на него, а потом снова молча таращится в пространство.

Я даже первое время думал, что этот Родион глухонемой, но когда спросил, Кир сказал, что нет. Да и не

суть, я же заговорил о собаке. Так вот, я бы назвал его Дымком (это же МОЙ подарок), и мы бы с ним гуляли после школы. А мама Кира — с утра. Вряд ли бы это ее сильно напрягло, она ведь моет черепаший аквариум — и ничего, не жалуется.

Однако когда я заговорил об этой идее *со своей* мамой (пришлось, поскольку собственных денег у меня на покупку щенка не нашлось), мама безжалостно ее отвергла.

Животных нельзя дарить, сказала она, они ведь не плюшевые игрушки. В смысле, они живые — и значит, это большая ответственность. О которой я, увы, пока имею весьма слабое представление. И поэтому, на будущее, могу не просить никакое животное в качестве подарка для СЕБЯ. По крайней мере, пока не докажу, что стал взрослым и ответственным.

Мама могла бы и не волноваться на этот счет — для себя я собаку все равно просить не собирался. Вся привлекательность идеи с подарком для Кира была в том, что я мог бы играть и гулять со щенком, а кормить его, лечить (и прочие скучные штуки) стал бы Кир как хозяин.

Однако, как ни хороша была задумка, меня подвели обстоятельства и отсутствие средств. Это вообще происходит со мной довольно часто в последнее время...

15 НОЯБРЯ, ВТОРНИК

Я тут недавно осознал, что срубил большой профит, закорефанившись с колясочником. Потому что учителя стали смотреть на меня вроде как по-другому. И даже директор.

Раньше-то они на меня смотрели понятно как: «А, это же Ромка Корольков, известный лоботряс и раздолбай. Может, он много читает, и в принципе из него мог бы выйти толк, да только читает он все не по теме и знания как залетают в одно ухо, так и сразу же вылетают из другого. Что от него еще ждать, кроме тупых шуток и дурацких приколов. А то и вовсе всяких подвохов вроде разбитого прошлой весной стекла» (хотя я тогда не признался, но разбил-то его Женька! Я же тогда не знал, что он все равно собирается свалить в другую школу и бросить меня).

В общем, явно принижающе смотрели. Совершенно меня недооценивали. А теперь в их взглядах читается немного другое: «О, это же Роман Корольков, он дружит с колясочником и помогает ему учиться» — хотя в реальности-то все скорее наоборот. Тут учителя малость ошибаются, и даже Алла Сергеевна, и даже директор.

Кстати, вижу я его уже не так часто, как раньше. Звать-то меня к нему почти перестали, и наши встречи в основном происходят в коридоре, и в основном тогда, когда я куда-нибудь спешу.

Но даже и в ЭТОМ случае Тихон Петрович обходится парой дежурных реплик, которые и порицанием-то назвать нельзя. А в последний раз и вовсе потрепал меня по голове, словно я совершил какой-то подвиг — спас котенка с дерева или победил в городской олимпиаде по химии! А я терпеть не могу химию, и только чудом в моей колбе до сих пор что-нибудь не взорвалось.

В общем, в последнее время я даже начал опасаться (хотя вообще мне это и несвойственно), что как бы теперь учители меня не переоценивали. Вечно встает эта проблема с учителями: они вообще не знают золотой середины. Или ты для них безнадежный оболтус, или порядочный и примерный ученик. Третьего никак не дано, хоть тресни!

А сами зря, что ли, призывают нас «взвешенно и аналитически подходить к любым оценочным суждениям»?

23 НОЯБРЯ, СРЕДА

По дороге из школы домой, когда я решил показать Киру обходной путь дворами, я вдруг заметил, как из дальних кустов выкатывается что-то большое, лохматое и очень, очень мрачное на вид. И прямо-таки физически почуял, что запахло жареным.

— Шухер! — крикнул я немного сдавленно, чтобы не привлечь внимание псины (хотя это старание было напрасным — она нас уже заметила, потому и вылезла). — Вон злющий пес, прет прямо на нас! Айда в кусты!

Черная собака действительно была громадной — не меньше Тошки ростом — и действительно неслась прямо нас во весь опор, так что огромные уши колыхались на ветру, и мне даже казалось, что из ее раскаленной пасти капает слюна. Такая если и не сожрет насмерть, то покусает на совесть — это уж стопудово. Так что больше времени на раздумья не оставалось — нужно было драпать, тикать, линять, и на всей возможной скорости.

Кирову коляску пришлось бросить, и я взвалил на закорки самого Кира — не бросать же его там, в самом деле, — и мимоходом подивился тому, какие же у него все-таки худые ноги и болтаются, как макаронины. Мне было бы, наверное, совсем невесело на его месте, если бы не получалось сделать даже шага без чужой помощи.

Тут и я просек, наверное, в первый раз по-настоящему, на что подписался не глядя. Это не просто халявные игры, ништяки и списанные домашки — это еще и большая ответственность. Предупреждать надо было, Тихон Петрович, обо всех последствиях, прежде чем

вынуждать меня принять такое ответственное дело, как пригласить за свою парту инвалида!

Когда мы наконец добрались до кустов, я весь вспотел, а в боку сильно закололо. Но это все фигня, главное, что по дороге я успел подобрать большую сучковатую палку. Она была немного грязная — до этого валялась в канаве с талым снегом, но, возможно, могла бы хоть на время отвлечь пса от наших шей и прочего, что еще пригодится лично нам. Я вскинул палку к плечу и пригнулся, приготовившись ударить внезапно, чтобы захватить псину врасплох в прыжке. А Кир между тем вытянул голову, не хуже своей черепахи, и, поднявшись на руках, выглянул из-за заснеженных кустов.

И вдруг громко засмеялся.

Я первым делом подумал было — тю-тю, это у него от переживаний шарики за ролики заехали, но Кир сквозь смех объяснил:

— Да это же Дружок! — Он протянул руку, и черный лохмач с тявканьем бросился на его руку, но не укусил, а стал лизать. Кир погладил его по голове и шее — насколько доставала вторая рука. — Подходи, не бойся, он не кусается. Только дубинку сначала выброси, а то он обидится!

— Кто это — Дружок? — спросил я обалдело и с некоторой досадой.

Сколько раз я тут ни ходил, а никакого Дружка и в помине не было.

— Собака наших соседей, они недавно только переехали, — принялся объяснять Кир, а сам все гладил это страшилище, — не бойся, он хоть и большой, но добрый.

— Я и не боюсь, — сказал я со всем достоинством, на которое был способен, выпрямился и наконец отбросил палку.

Все ладони от нее оказались черными, как будто в саже — настолько она оказалась трухлявой. Наверное, от по-настоящему злобной собаки никак бы не сработала...

1 ДЕКАБРЯ, ЧЕТВЕРГ

Недавно я писал про странного молчаливого приятеля Кира по имени Родион, который иногда тусуется с нами во дворе.

Не знаю, правда, по своей ли воле. Про него сложно сказать что-то определенное. Кроме одного — у Родика (как звал его Кир) тоже был, по ходу, какой-то диагноз. Так что когда мы с Киром носились по двору за мячом или просто так (он в своей турбоколяске, а я своим ходом), а Родик безучастно смотрел нас, точь-в-точь

как Кирова черепашка, я сам казался себе каким-то капитаном команды инвалидов.

В общем, этот Родион на днях отмочил во дворе штуку: взял и по обыкновению молча, с каменной физиономией протянул мне карандашный рисунок. Я сначала даже слегка прибалдел, а когда увидел в углу рисунка его ровненькую подпись: «Родион Оленин», обалдел еще больше.

Так он сам, выходит, нарисовал? Я понятия не имел, что он рисует. И так же понятия не имел, что делать с рисунком.

Если честно, первой мыслью было выбросить его втихомолку в какую-нибудь мусорку за углом, чтобы Марина не прознала и не засмеяла. Но я себя пересилил, человек все-таки старался, и принес домой показать маме.

Мама сказала, что это «урбанистический пейзаж, выполненный в импрессионистической манере, и довольно свежий и смелый взгляд на город».

Ну, маме-то, конечно, виднее, она как-никак училась в универе на графического дизайнера. Лично я увидел лишь цветные кляксы там-сям на бумаге, как будто побрызгали разными красками на бумагу. Нас Изольда Еремеевна, учитель по изо, всегда ругала за такую мазню и испорченные листы. Эх, знать бы раньше — я бы тогда тоже загнул ей про «смелый взгляд на город»!

В общем, рисунок я не выкинул, все-таки это не мой портрет (если был бы портрет, я бы даже не раздумывал), но и не повесил на стенку, а положил в нижний ящик между старыми дневниками и тетрадками, которые мама почему-то хранит и не велит выбрасывать. Пускай тоже лежит, жалко, что ли? Правда, мне было бы намного приятнее, если бы свой рисунок мне подарил кто-нибудь из девочек. А точнее, вполне конкретная девочка — Настя.

А этому рисунку больше всех радовался, по-моему, Кир, хотя ему-то как раз ничего и не досталось. Но пойди пойми, что творится в головах у таких чудиков, как Родик. Ведь именно Кир больше всего старался вовлечь его в наши игры или разговорить. Я-то за все время сказал Родиону не больше пары-тройки фраз, да и то в самом начале, прежде чем просек, какой он на самом деле молчун.

13 ДЕКАБРЯ, ВТОРНИК

Самая фишка Кировой квартиры — в том, что общий зал у них пониже основного уровня квартиры, и поэтому над ним имеется как бы верхний ярус. Он был, конечно, не настоящим вторым этажом, а больше украшением — как есть такие крошечные балкончики у старых домов. Вроде как «эй, смотрите, а у нас есть балкон!» — «Это что, фигня. Вот у нас-то круто — в нашей квартире есть даже второй этаж, это вам не кот чихнул!»

Однако забраться на этот второй ярус не составляло труда. Сразу у дверей зала начиналась круговая лестница, по которой вполне могло катиться кресло с двигателем, а рядом еще шли крошечные приступочки, по которым прекрасно можно было подняться и мне. Так что мы с Киром иногда тусовались на типа втором этаже — катались по кругу вдоль деревянного ограждения или прятались от Родиона, когда ему выходило время водить.

Вообще прятаться от него было нетрудно, потому что он частенько замирал на месте, глазея в пространство. И если бы мы не начинали в конце концов звать его из своих укрытий, он, может, так нас никогда бы и не нашел.

17 ДЕКАБРЯ, СУББОТА

Когда Кир приходит к нам, он, ясное дело, усаживается на кровать Тошки, почти даже без моей помощи. Говорю же, у него ничего так прокачанные руки. Вообще Тошка очень ревниво относился к чужим попыткам пристроиться на его постель — он разрешает касаться ее только маме, да и то лишь когда она заправляет одеяло или рассказывает сказку на ночь, — но к Киру проникся неожиданным доверием.

Меня, если честно, даже досада взяла, что брат и не пикнул, когда Кир развалился на его любимом покрывале. В то время как мне даже и присесть-то нельзя, такой ор начинается! Что это, получается, чужому человеку Тоха доверяет больше, чем родному брату?

В общем, я так и был по этому поводу в непонятках, пока меня не осенило: это же он подлизывается к Киру, чтобы остаться в комнате и затусить с нами! Когда мы с Женькой занимались своими делами, мы, конечно, не позволяли мелкому путаться под ногами. Ну а что взять с Кира, если он разрешает даже Родиону тусить с нами во дворе?! Я немного поразмыслил и понял, что если уж Родику можно с нами болтаться, то выгонять Тошку прямо-таки несправедливо. А в числе моих многочисленных достоинств справедливость стоит в самом верху списка, это хоть кто подтвердит.

Сегодня мы, например, посмотрели новый ужастик про зомбоидов по моему компу, и я твердо решил не обращать внимание на Тошкин писк где-то справа, со стороны Кира. В конце концов Тошка уже достаточно взрослый, чтобы принимать решения сам (по папиному выражению). Хочет пощекотать себе нервы — пусть щекочет, фиг с ним. А если обмочится ночью, мне-то что — я ведь сплю на верхнем ярусе!

Ну а что касается простыней — стирать-то их в любом случае не мне, а маме. Вот пускай она и проводит с Тошкой разъяснительные беседы, что можно смотреть на ночь глядя, а что лучше не надо.

23 ДЕКАБРЯ, ПЯТНИЦА

Так как Кир жил ближе к школе по нашей улице, он по утрам стал задерживаться у моего подъезда, чтобы подождать меня. И в том, чтобы ходить по утрам вместе, оказался еще один профит.

Дело в том, что хотя до моей школы было не больше пяти минут ходу, обычно я выходил немного позже, чем нужно, поэтому мне всегда приходилось поднажать. Потому что почти у всех учителей есть одна причуда — они считают опозданием даже пару минут. Ну, все, кроме трудовика. Он-то парень свойский и иногда разрешает даже уходить пораньше с урока, если припрет. Например, если до зарезу захочется сгонять в столовку за парой булочек. А другие учителя, увы, совсем не входят в положение и даже могут оставить после уроков за пустяковое опоздание.

А мои объяснения уже, кажется, начинают слегка повторяться — нельзя же бесконечно выдумывать каждый раз новые...

Так вот, вместе с Киром я решил проблему своих опозданий. Я становился на заднюю подножку его коляски, и он врубал полную скорость, так что мы доезжали до школьных ворот минуты за две. А если напрямки через дорогу — то даже и за минуту. Водители хоть и бибикали и гудели, но всегда перед нами останавливались.

Я как раз собирался придумать, как еще можно использовать этот профит от коляски, но однажды утром вдруг откуда ни возьмись выскочила какая-то бабулька в платочке и начала на нас вопить. Мол, мы сопливые хулиганы, нарываемся на ДТП, что вот она сейчас же пойдет к директору нашей школы и потом еще к родителям, чтобы они надрали нам уши, а то ишь что удумали!

В общем, мы с большим трудом от нее отвязались. Точнее, оторвались. Потому что гналась она будь здоров, даром что с палкой. Причем на палку даже не опиралась, а держала ее наперевес — то ли грозилась, то ли хотела бросить в нас. Она бы, наверное, гналась и дальше до самой школы, но мы ловко свернули в соседний переулок и таким образом сумели оторваться. Пришлось чуток задержаться, но, к счастью, первым уроком был труд, а трудовик, как я говорил, особо не заморачивается на дисциплине.

Мы так напряглись из-за этой бабульки, что решили впредь дожидаться сигнала светофора, а то кто ее знает, когда она в следующий раз выскочит. И вдруг тогда и правда попрется с нами к директору?.. Ну а Кир при этом, несмотря на нервяк, сиял как медный таз. И я даже понял, почему.

Потому что бабка и его обозвала хулиганом, а не несчастной жертвой-инвалидом. Я вообще успел заметить, что он во всем так — старается доказать, что ничуть не хуже других.

26 ДЕКАБРЯ, ПОНЕДЕЛЬНИК

Ура — начались каникулы + Новый год! И бонус — троек за четверть стало еще меньше. Теперь жду не дождусь, что мне теперь за это подарят!

ПС. Надеюсь, мне подарят то, что я хочу. Серьезно над этим работаю.

1 ЯНВАРЯ, ВОСКРЕСЕНЬЕ

Надарили опять сплошные книжки. Ну еще пару носков с шарфами от бабули и шоколадку с конфетами из новогоднего набора, которые каждый год вручают родителям на их работе. Какой облом! Ни тебе велика, ни новой игры! А книжки я ведь спокойно мог брать и в библиотеке, если бы пришла охота!

2 ЯНВАРЯ, ПОНЕДЕЛЬНИК

Сегодня с утра мама была не в духе. Это, наверное, потому, что нас залили соседи — не сильно, но пол в ванной и коридоре успел намокнуть. Папа сбегал наверх и выяснил, что у них потекла стиралка. Ну а меня мама заставила вычерпывать воду и потом мыть пол, как будто я какая-то Марина.

А сама Марина очень хитро слиняла еще вчера с ночевкой к подружке — прямо как чувствовала. Вот и пришлось мне пахать за нее, причем без всякой благодарности с чьей-либо стороны. Так что я даже чуть не опоздал на утренний сеанс, на который мы с Киром заранее взяли билеты. На новый «Стартрек».

Кстати, недавно я сделал одно открытие: если ходить с колясочником в кино, даже вечером в субботу, то билеты в кассе находятся всегда, даже если предыдущему человеку в очереди сказали, что их больше нет. Ну да на утренние и дневные сеансы билеты, как правило, есть для всех.

Поэтому куда весомее была другая фишка! Оказалось еще, что Киру как инвалиду делали пятидесятипроцентную скидку, а для меня как «лица его сопровождающего» билет и вовсе был БЕСПЛАТНЫМ! (А у нашего недавно открытого кинотеатра даже имелся пандус, так что вообще ноу проблем.)

Ну не гений ли я после этого, что решил закорефаниться с колясочником?

Если честно, сейчас я уже не понимаю людей, которые не встают в очередь, чтобы затусить с ними!

5 ЯНВАРЯ, ЧЕТВЕРГ

Как оказалось, ходить в кино каждый день тоже может утомить. Вот и Кир сегодня признался, что ему надоело смотреть «Стартрек» по третьему разу. А раз никакого вменяемого боевика, фантастики или хотя бы комедии на этой неделе не предвиделось — только одни детсадовские мультяхи и слезливые мелодрамы, мы решили перенести походы в кино на более удачное в этом смысле время.

6 ЯНВАРЯ, ПЯТНИЦА

Каникулы продолжаются!

Правда, сегодня днем мама добавила в эту бочку меда под названием «новогодние праздники» свою ложку дегтя. Она заявила, что мы съели свои праздничные гостинцы (и даже те, что нам надарили все родственники) слишком быстро. И она не планирует покупать новые до самого конца зимних каникул. А до этого ведь еще почти целая неделя!

Но не успел я по-настоящему запаниковать, как мама, смягчившись, уточнила, что остался еще один набор конфет, последний. Название — «жалейные». И уж его-то мы должны как следует растянуть, если не хотим остаться вообще без сладкого.

Мама добавила, что даст их нам только после ужина, когда будет покончено с основными номерами ее стряпни. По-моему, зря она объявила эту новость так рано, задолго до ужина. Зачем создавать лишний повод для волнения?

А еще я задумался: что это за конфеты, которые жалеют? И специально потом подсмотрел на кухне в ящичке, где ма обычно хранит всякие вкусняшки, — ну конечно же, снова она все перепутала.

Конфеты-то назывались «жЕлейные». А я, раз уж взял на себя труд разъяснить ее косяк, по-моему, заслужил поощрение в виде пары-тройки этих самых конфет. На мой взгляд, даже несправедливо было бы лишать их меня сейчас, когда я уже открыл ящичек. И, чтобы уж точно не совершить несправедливость, я взял немного побольше — конфет пять или десять. Кстати, они оказались ничуть не хуже, чем предыдущие, трюфеля и «белочки».

Когда мама после ужина заметила недостаток конфет, она, конечно, совсем не обрадовалась. Но так как никаких доказательств у нее не было, кто именно порылся в ее ящичке, то и предъявить лично мне она ничего не могла.

В конце концов, может, их взяла Марина — по ее тумбообразной фигуре не разберешь, съела она десять-пятнадцать лишних конфет или нет.

Или папа — очень уж он довольно улыбался, когда переключал в зале телик на спортивный канал.

Так что мама в итоге просто-напросто обвела нас всех, включая папу, суровым взглядом, взяла кулек и отнесла его в СВОЮ спальню. Что, на мой взгляд, было с ее стороны не очень-то умно: а если бы конфетным вором оказался папа? Что бы она делала тогда, хотелось бы знать?

Но у женщин, как я уже не раз убеждался, есть какая-то своя, особая логика.

8 ЯНВАРЯ, ВОСКРЕСЕНЬЕ

Вчера, за вечерним рождественским ужином, мы съели по одной конфетке из набора «желейных». Их и так осталось немного. Поражаюсь, как мама рассчитывала растянуть их на целую неделю — просто святая простота, как выражается иногда бабуля. Особенно с учетом того, что кто-то изначально слямзил целую треть набора (надеюсь, никто не отыщет и не прочитает мой дневник, чтобы узнать, КТО).

Хотя уже сегодня я нашел славный выход. Поскольку я почти каждый день бываю у Кира и у него-то дома этого добра навалом, по крайней мере в вазочке на кухне, я решил, что никто не обидится, если я начну забирать вместе с пирожками и булочками еще и пару-тройку конфет.

Вряд ли даже кто-то заметит, а если и заметит, я придумал просто офигительную отмазку. Ведь чем больше возьму конфет я, тем меньше их достанется Киру! А значит, ему реже придется мотаться к зубному и он еще скажет мне спасибо.

Вот насколько я склонен жертвовать собой ради других — ведь мои-то визиты к зубному никто с такой же легкостью не отменит!

10 ЯНВАРЯ, ВТОРНИК

Сегодня, в первый же день третьей четверти, училка по биологии Наталья Игоревна задала нам домашку — вырастить плесень из какого-нибудь кусочка хлеба или другого продукта.

Эх, где она раньше была со своим заданием, когда у меня сама по себе выросла плесень в углу, потому что я как-то забросил туда остатки сыра и совсем забыл? Зато бабуля нашла по запаху и долго потом ругалась (даже Марина глянула на меня с оттенком уважения) и пообещала лишить меня карманных денег на днюху. С позапрошлого года на все днюхи она дарила нам — кроме

Тошки, понятное дело, — карманные деньги. Марине больше, чем мне, якобы по старшинству, хотя, по-моему, это полная муть. Маринка-то ведь девочка, а значит, всяких интересных дел, на которые могли бы понадобиться средства, у нее стопудово меньше. А бабуля теперь и этих крох грозилась меня лишить! Однако я решил не обращать особого внимания на ее угрозы — моя днюха только летом, третьего июля, а за полгода ба наверняка уже или забудет, или оттает.

Правда, в летней днюхе имелся и свой минус. В июле все обычно разъезжались, так что приходилось праздновать ее лишь с семьей и родней, а это не сказать чтобы понтово. Поэтому недавно я взял с Кира самое что ни на есть честное слово, чтобы ХОТЬ ОН никуда в начале июля не разъезжался.

24 ЯНВАРЯ, ВТОРНИК

У новенького Кирова дома имелся пандус (подозреваю, что в том числе и поэтому его родители и прикупили здесь жилье), зато у нашего его не имелось. Так что я даже не представлял, как Кир попадал в наш подъезд, но когда он уходил, это была целая история. Сначала мой папа выносил его на руках, сажал на скамеечку у дома, а потом уж выкатывал коляску. И это хорошо еще когда работал лифт! Живем-то мы на седьмом этаже.

Однажды на уроке физики я снова вспомнил об этом интересовавшем меня вопросе (а вопрос преломления лучей в воде как раз в тот момент не входил в список моих интересов, как выразился бы Угар) и задал его Киру.

Даже не знаю, что я рассчитывал услышать — фантастическую историю в стиле комиксов с участием супергеройского турбоплаща и прочих штучек? В любом случае, правда оказалась куда проще. Кира просто-напросто провожал к нам его папа, когда присутствовал в городе. А когда отсутствовал — то мама.

— Корольков, тебе, видимо, не интересна новая тема? — громко поинтересовалась Роза Яковлевна.

Я вздрогнул и выпрямился. Кира она по пустякам не дергала — не из-за инвалидного кресла, а потому что он все домашки делал на совесть, ну а Роза это просто обожает.

— Может, сообщишь нам, что тебя так заинтересовало? — Тишина. — Не хочешь? — Тишина. — Ну тогда будь добр, расскажи нам предыдущую тему. Ты ведь учил заданный на дом параграф, верно?

— Учил, — вздохнул я и, выбравшись из-за парты, поплелся к доске.

Кир тоже выглядел нерадостным — может, думал, что его не дергают как раз из-за кресла, а не из-за домашек.

А я, вернувшись за парту после не слишком удачного выступления (я ведь уже писал, что физика с химией не мои коньки?), сделал для себя вывод, что некоторые вопросы лучше не выяснять.

По крайней мере, не на физике, а то уж очень острый слух у Розы. Ей бы в музыкантши пойти, а не в физички.

Быстрее бы уже весенние каникулы! И майские праздники... Их в этом году в школе решили сделать длинными, как и новогодние, — с 1 по 10 мая.

А еще в нашей школе — пятидневка. Хотели было ввести шестидневку по инициативе каких-то активных родителей из комитета, но директор нас, к счастью, защитил.

Даже не представляю, как бы я терпел все это не пять, а целых шесть дней в неделю...

28 ЯНВАРЯ, СУББОТА

Кир рассказал, что родился здоровым. Но когда ему было лет семь, рядом с их домом начали строить еще один дом. Однажды он и пара приятелей решили немного исследовать стройку и уже лезли обратно, когда что-то под ногами обвалилось и они полетели вниз на бетон. Приятели ничего, а вот Кир упал неудачно, в позвоночнике что-то сломалось.

Он уже более или менее привык, ничего, приспособился жить так. А вот родители до сих пор переживают. И кажется, еще надеются, что однажды он снова встанет и пойдет. Очень не хочется их разочаровывать, но ему эти больницы, врачи, операции, процедуры и лекарства надоели хуже горькой редьки!

Стройку с того случая обнесли стеной, но они все равно решили переехать в другой район.

Я не знал, что на это сказать, и поэтому просто молчал. И очень удивился, когда Кир добавил, что ему еще повезло. Я даже спросил: в чем повезло-то? Он ответил: в том, что все остальное, кроме ног, его слушается. А то паршиво, когда даже умыться сам не можешь. Он, когда лежал в больнице, всякого насмотрелся...

1 ФЕВРАЛЯ, СРЕДА

Сегодня случилось долгожданное событие — физрук Андрей Борисович, как давным-давно обещал, повел нас на лыжах в ближайший лес.

Ну как лес — скорее, лесок. Но в любом случае лучше, чем наматывать круги по школьному стадиону, ага? Вот и я так подумал. (Физра у нас была раз в неделю, но зато сдвоенная, так что времени-то навалом.)

Однако радовался я недолго: не успели мы добраться до леска и сделать даже полкружка, как одна из под-

ружек-зубрилок Лиза Ростовцева ухитрилась лыжной палкой чуть не отфигачить себе полногтя. За что-то там зацепилась, что ли.

Она вообще ехала чуть ли не последней и держалась на лыжах так, словно впервые их увидела. Хотя в прошлом году мы точно так же катались, я точно помню! В общем, Лизка завизжала так, словно действительно отфигачила ноготь, и физрук, конечно, немедленно повернул назад. Ведь Лизе требовалось в медпункт. Не скажу, чтобы рана была слишком опасной — крови-то вытекло немного, — и в любом случае она могла бы потерпеть, чтобы не ломать кайф всему классу.

Но у девчонок, как известно, свои собственные правила на все случаи жизни, которые я давно уже не надеюсь понять.

12 ФЕВРАЛЯ, ВОСКРЕСЕНЬЕ

Мама ввела нам специальную стипендию за оценки: за пятерки пообещала давать сто рублей, за четверки — пятьдесят, за тройки ноль, а за двойки, что самое стремное, — отбирать ту же сотку. А подводить итоги она станет в конце каждого месяца после тщательного изучения наших с Мариной дневников.

Тут Марина прямо-таки засияла. Конечно, чего бы ей не радоваться, если она по-любасу не останется в накладе! Ей-то ведь не надо даже напрягаться, чтобы получать пятерки. Она и так уже пятерочница.

А вот я-то не особенно радовался. Потому что у меня больше шансов поймать единорога, чем словить пятерку или хотя бы четверку на химии, которую (не помню, говорил я или нет) я просто НЕНАВИЖУ.

Единственные предметы, к которым я отношусь с уважением, — это музыка и литература. Ну и еще немного история. Потому что на музыке можно горланить почем зря вместе с классом. Да еще и получать за это пятерки. А на литературе и частично на истории можно наболтать с три короба и этим скрыть тот факт, что ты не учил тему и вообще не при делах насчет домашки.

Так что теперь, боюсь, как бы не остаться в минусе при этих мутных расчетах и не лишиться СОБСТВЕННОЙ заначки. Мама-то наверняка знает, где она лежит — ведь это она (мама) убирает мою комнату. Недавно мне даже пришла в голову идея: может, сказать, что теперь я сам буду разгребать тут весь мусор?

Хотя, в любом деле не стоит рубить с плеча. Обратно-то вернуть будет уже сложнее. Конечно, мне не по себе от мысли, что мама может запалить мою заначку в любой момент.

Но есть один важный нюанс: я же делю комнату с Тошкой, а мусора от моего младшего братца куда больше, чем от меня самого! И что-то подсказывает, что в уборке от него будет мало толку, а мне в лом подметать еще и за него. Если по чесноку, мне в лом подметать даже за себя, и поэтому пока я не вылезаю со своей идеей и только перекладываю заначку каждый раз в новое место.

Идея! Надо бы сказать маме, что я потратил ее на какое-нибудь пафосное дело! Она обожает такие истории по телевизору.

Ну а пока одна надежда — что мой сосед Кир не съедет и будет по-прежнему давать мне списать (и нас не рассадят). Это мой единственный шанс удержаться на тройках даже на ненавистной химии...

13 ФЕВРАЛЯ, ПОНЕДЕЛЬНИК

Я все-таки сказал маме, что истратил на одно дело всю заначку (чтобы не рисковать ею в сомнительной затее с оценками). Мама, конечно, сразу спросила, что это за дело. Но я подготовился и весомо ответил:

— Купил одной девочке подарок на 14 февраля.

Я даже не слишком и сорвал. Я ведь и правда купил Насте валентинку, чтобы опустить в наш классный «валентинов» ящик — без подписи, конечно, но зато с пожеланием оставаться «такой же красивой».

Я просто не уточнил, что эта открытка была не из самых дорогих.

Мама, конечно, тут же пожелала узнать, почему я не обошелся, например, открыткой и конфетами и почему понадобилось спускать всю заначку.

— Ну, мам, это же *красивая* девочка. — Я даже удивился ее несообразительности. Когда не надо, ма вовсю применяет свою дедукцию, как заправский детектив, а тут прямо застопорило.

— О! — Она наконец-то просекла. Но после короткой паузы продолжила сыпать вопросами: — А как ее зовут? Я ее знаю? Она учится в твоем классе? А покажешь на общей фотографии?

Однако тут я уперся накрепко — не скажу, и все. Так что пришлось маме отстать со своим любопытством.

Я-то уже знаю, как она умеет хранить тайны, так что ни за что не доверю ей ТАКОЙ секрет!

22 ФЕВРАЛЯ, СРЕДА

Сегодня случилось замечательное... даже замечТательное событие, почти чудо — сама Настя! Первая! На большой перемене у столовки! Со мной заговорила!

Сразу после того, как девчонки нас поздравили с наступающим 23 Февраля и подарили по набору ручек и блокноту (и тут без учебы никуда!).

А Настя как будто все же просекла, что именно я отправил ту валентинку! Может, узнала по почерку, хотя я и старался его изменить?

Конечно, она получила десять или двадцать других валентинок, но моя стопудово была самой классной и оригинальной и больше всего ей понравилась. Я ведь даже позаимствовал на время сеструхин красный маркер и пририсовал внизу сердечко со стрелой! А маркер сначала забыл вернуть. А потом, когда Маринища начала переворачивать все вверх дном, ругать того, кто его спер, и злобно на меня коситься, я оскорбился и решил вовсе не возвращать. Пусть будет ей уроком — может, научится думать о людях лучше.

Хотя вряд ли.

— Я слышала, у Красавина живет какая-то стремная черепаха? — спросила Настя.

— Почему стремная, нормальная. — Я удивился, чем Фишка вообще могла ее заинтересовать.

— Ну, не важно. — Настя как будто немного смутилась и от этого стала еще симпатичнее. — Я просто подумала, неплохо было бы достать ее фотку и сделать небольшой как бы репортаж, то есть заметку...

— Заметку? О какой-то черепахе? — Я все больше удивлялся. Краем глаза я заметил, как Кир пытается завести разговор с гением Левой — дохлый номер. Еще не всякой училке это удается. — Зачем?

— Не о какой-то, а о питомце одноклассника. Причем довольно экзотичном. Питомце, я хочу сказать. По-моему, интересная идея — начать рассказывать о своих домашних животных — а Красавин бы начал первым... Мне ведь классная сказала сделать типа стенгазету к началу четвертой четверти. Я не говорила?

Я помотал головой.

Настя, по-моему, вообще раньше не заговаривала со мной вот так, один на один. Глаза в глаза. Красивые у нее все-таки глаза, то ли светло-синие, то ли темно-серые. И ресницы длиннющие — ух... И еще голос. Интересный у нее все-таки голос, необычный: с одной стороны, звонкий и мелодичный. А с другой, почему-то кажется, что она может говорить еще звонче и как будто специально приглушает его. И эта двойственность как-то цепляет. Заставляет ломать голову, напрягать слух и прислушиваться скорее не к тому, ЧТО она говорит, а КАК.

— Это, типа, моя проектная работа, — продолжала она своим полузвонким голосом. — Везет тебе, что ты свою сделал!

Собственно, сделал-то не совсем я. Я только поставил свою фамилию и дату. Но сейчас я не стал это уточнять и только важно кивнул. Зачем разочаровывать человека при первом же настоящем разговоре?

— Вот я и подумала — написать, у кого какие животные живут. Как заглавную заметку. Ну и остальное по мелочи — стихи там, рисунки...

— Не у всех они есть, животные-то, — немного скованно заметил я.

Настя всегда, с самого первого класса оказывала на меня такое действие: в ее присутствии мое остроумие словно усыхает, и я не могу выдавить из себя ничего дельного или толкового.

— Ну, у кого есть. — Настя опустила глаза. — У меня пока нет, но я надеюсь завести... кошку, да. Точнее, кота — с ним проблем меньше. И может, у кого нет животных, прочитают заметку и захотят завести? В общем, я решила начать с Красавина, а дальше как пойдет.

Теперь идея казалась мне более дельной, чем в начале разговора, и я кивнул с самым умным видом.

Единственное, что немного смущало: почему Настя не обратилась напрямую к Киру?

Но, с другой стороны, мне-то глупо на это жаловаться. Хоть какая-то общая тема у нас с ней нашлась!

— Так вот, — продолжила Настя, — чтобы выглядело убедительно, нужна не только заметка, но и фотка зверюшки. В смысле, черепахи. У тебя ведь есть?

— Что, фотка? — Ее вопрос снова застал меня врасплох.

— Ну, ты ведь бываешь в гостях у Красавина? И фотик у тебя классный. — Настя глянула мне прямо в глаза. Глаза у нее все-таки скорее серые, даже немного дымчатые. — Сто процентов, у тебя найдется пара-тройка смешных...

— Смешных? — переспросил я, уже догадываясь.

— Ну, прикольных. — Она нетерпеливо дернула плечом, как будто раздражаясь, что на объяснение простых вещей приходится тратить так много времени.

И тут я наконец допер.

Настя вовсе не собиралась делать серию заметок и не слишком интересовалась чужими животными. Она просто хотела приколоться над Киром. Но почему? И разве так можно?

— Ты сделаешь это для меня, да? — Она снова взглянула на меня своими дымчатыми глазами, и я разглядел на ее переносице несколько золотистых веснушек. Они ей удивительно шли — как никому из моих знакомых. — Это ведь просто шутка, прикол. А ты у нас спец по приколам, да?

Вот так моя репутация шутника сыграла со мной злую шутку. Я раздумывал об этом всю дорогу домой.

Кир поначалу пытался о чем-то со мной заговорить — о планах на лето, кажется, хотя до лета было еще как до луны, и какой-то поездке, которую хотели организовать его родители. Но видя, что я не в духе, тоже постепенно умолк.

А я все думал и думал: и зачем только Насте понадобился этот дурацкий прикол?

Но и отказать ей в такой мелочи тоже было как-то глупо. Вдруг она после этого больше не захочет ко мне подходить? А тут какая-то чепуха, всего лишь черепашка. Может, просто попросить у Кира ее фотки?

Но если он спросит, зачем, что сказать? Для прикола? Он и сам поймет, что для прикола, когда увидит стенгазету. А если прознает заранее, может, и вовсе не подпустит к аквариуму. Он ведь трясется над своей черепахой будь здоров, хотя и не подает виду.

Так что лучше, может, сфоткать ее втихомолку?

А если Кир обидится и не позовет больше в гости? Но и разбрасываться шансами на общение с Настей я тоже не могу...

Я, может, уже пару-тройку лет жду того самого шанса!

25 ФЕВРАЛЯ, СУББОТА

Так я все праздники — четверг и пятницу — все размышлял и думал. Даже на улицу, в Киров двор не ходил, сказал, что занят.

А сегодня после ужина, за которым я мрачно ковырялся в своем салате и почти не огрызался на ехидные шуточки Марины, мама заподозрила неладное. У нее вообще феноменальный нюх на всякие наши косяки и подвохи.

Поэтому, не успев даже помыть тарелки, она пришла в мою комнату — ну ладно, нашу с Тошкой комнату, присела на нашу кровать и с тревогой спросила:

— Ты не заболел, сынок?

Так как лежал я на своем верхнем ярусе, а мама усесться туда при всем желании не могла (помешал бы потолок), то сидела она, соответственно, внизу. На Тошкином месте. Мне так было даже легче — не нужно смотреть в глаза.

— Нет, — сказал я.

— Может, тогда в школе что?

— Ничего. — И, помявшись немного, я задал вопрос: — Ма, а тебе никогда не приходилось... выбирать?

Она закивала с довольным видом, как будто даже успокоившись. Мол, наконец-то я начал задавать не детские или глупые, а СЕРЬЕЗНЫЕ вопросы.

— Выбирать, Ромочка, — вообще мне не нравится, когда мама зовет меня так по-детски, но сейчас было не до того, — в жизни так или иначе выбирать приходится всем. И иногда даже каждый день.

Каждый день? Да она смеется! Неужели мне придется терпеть такое постоянно? Я застонал про себя. Утешитель из мамы не очень, если по чесноку.

— Порой этот выбор касается на первый взгляд незаметных вещей, — с энтузиазмом продолжала мама (ну, утешает хоть, что незаметных), — а иногда речь идет о выборе жизненного пути... — Тут она замолчала, прислушиваясь.

В зале, где папа с Тошкой сейчас смотрели телик, было как-то подозрительно тихо. Я бы и сам что-нибудь заподозрил, если бы не был занят мыслями о Насте и ее просьбе.

— Главное — не идти против совести. Слушай свое сердце — оно всегда подсказывает верно...

Я как-то резко и внезапно выпалил:

— А если одна классная девочка просит прокатить неплохого парня?

— Прокатить — в смысле на велосипеде? — не поняла мама.

— В смысле, поржать, — раздражаясь на ее непонятливость, буркнул я.

Глаза у мамы сразу сделались очень большими (хотя и так в принципе не маленькие) и очень сочувственными.

— Тогда, может, эта девочка не настолько классная? — осторожно предположила она.

Мама странная, она ведь Настю даже в глаза не видела — только по общим школьным фоткам.

— Ну, она очень красивая, — объяснил ей я.

— Но ведь красота должна быть и в душе...

Тут из зала донесся отчетливый звон, с которым могла бы разбиться, например, старая ваза, стоявшая на столике у телевизора. Мама, не договорив, вскочила с кровати и торопливо вышла из комнаты. А я так и не понял, как можно посмотреть и проверить, какая у человека душа.

Хотя это все равно бы не решило моей проблемы.

Что же мне делать: рискнуть дружбой Кира и его уважением в ответ на призрачный шанс завоевать расположение Насти? Или навсегда лишиться шанса вырасти в ее глазах, но зато не обидеть Кира? Даже если я и не подпишу, кто автор фото, всем будет ясно, кто. А главное, это будет ясно Киру.

(Позже вечером)

Я все-таки притащился после ужина в зал к телику, потому что спать не хотелось, а просто так валяться было тошно. К счастью, там почти никого не оказалось. Ну, кроме Тошки, но он никогда не был настоящим соперником по борьбе за пульт. Мама мыла посуду, папа читал газету на балконе, Маринка наверняка что-нибудь зубрила в своей комнате, а бабуля там же вязала сотый по счету шарф или носки. Ей давно уже пора открывать собственный ларек по продаже носков.

Не обращая внимание на Тошкино нытье, я переключил с мультика на «Дискавери». Там как раз показывали «уткоапокалипсис». В смысле, громадная стая уток ни с того ни с сего вдруг кинулась бежать и порядочно так пробежала, не хуже каких-нибудь олимпийцев. И все это дело кто-то успел заснять на камеру. Интересно, к чему бы это?

По телику сказали, что ни к чему хорошему.

Интересно, а куда они все-таки собираются подселить моего третьего братца или вторую сестру?..

2 МАРТА, ЧЕТВЕРГ

Я все-таки сделал это.

Когда сегодня после уроков зашел к Киру, улучил минутку и сфоткал его черепаху на мобильник. Кир как раз поехал на кухню выпрашивать у мамы, чем бы перекусить до обеда (хотя она и не одобряла эти перекусы).

Я на всякий случай щелкнул несколько раз, забыв убрать вспышку, так что черепаха сунула голову в панцирь и убралась в дальний угол террариума. И вообще выглядела какой-то несчастной, хотя и была довольно большой — сантиметров двадцать. Мне даже снова стало не себе. Но тут я напомнил себе, ради чего, а вернее, ради кого все это делаю, и щелкнул еще пару раз для ровного счета.

Как раз в эту минуту в комнату вкатился Кир с печеньками и газировкой. Я ловко выкрутился, сказав, что Марина тоже загорелась завести себе черепаху или игуану и попросила фоткать все похожее, что попадется на глаза. Чтобы она, значит, потом посмотрела и выбрала.

Риска спалиться не было никакого: Марина традиционно не общалась с моими друзьями и не сделала исключения и для Кира, за что теперь я был ей очень благодарен.

Вообще я где-то читал, что когда примешь какое-нибудь определенное решение, в любом случае становится легче на душе.

Только мне пока почему-то не стало.

4 МАРТА, СУББОТА

К нам сегодня с утра приехал погостить дедушка из соседнего города, и угадайте, куда его подселили? Может, к родителям? К Марине и бабуле? И снова не угадали. К нам с Тошкой, в и без того самую крохотную комнату квартиры!

Если бы не это обстоятельство, все бы прошло прекрасно. Дедушка был как дедушка, только руки у него были малость пятнистые, а волосы хоть и седые, но слишком лохматые. Как будто он постоянно удивлялся и

поэтому все время их лохматил (мама меня, кстати, за это всегда ругала).

— Роман, я слышал, ты тут помогаешь мальчику с ограниченными возможностями? — ни с того ни с сего спросил вдруг перед сном дед.

Я уже натянул на себя пижаму и собирался лезть наверх, а там дочитать про Зверобоя с фонариком под одеялом, и к его вопросу оказался не готов.

Да и вообще давно уже не думал о Кире именно в таком ключе. И еще неизвестно, кто кому больше помогает. Если брать, например, школу или халявные билеты в кино, то тут скорее Кир мне.

— Но ты еще учти, — продолжал между тем дед, — этот мальчик может быть очень уязвимым, так что не рань его ненароком.

В глаза деду смотреть стало почему-то неловко (а Тошка тут же навострил уши и завертел головой), и я перевел взгляд на его пятнистые руки. И заметил, что ногти у него не как у всех, а какие-то потрескавшиеся, что ли.

Я скованно кивнул и промолчал.

Дед, он такой — умеет одним вопросом вывести человека на чистую воду или заставить почувствовать себя не в своей тарелке. Недаром он бывший фронтовик, сын полка — я это специально узнавал к классному часу на 9 Мая. Чтобы было о чем рассказать. А Алла Сергеевна тогда так впечатлилась, что даже заставила меня повторить свой доклад перед всей школой в актовом зале.

И знаете что? После моего молчаливого кивка дед глянул на меня прямо-таки рентгеновским взглядом, как будто сам все уже выяснил про черепаху и фотку. И я, чтобы только отделаться от этого взгляда, зевнул во весь рот и полез наверх, типа, очень устал.

Но заснуть на самом деле не мог еще долго.

7 МАРТА, ВТОРНИК

Настя заболела! Дымакова сказала, у нее ОРВИ, когда Алла Сергеевна спросила на первом уроке...

А я-то еще собирался поздравить ее с 8 Марта — после общих поздравлений с вручением набора фломастеров — и вручить подарок уже от себя. После уроков, конечно, и даже за пределами школы и школьного двора, потому что подарок у меня как бы намекающий. Букет из трех шоколадных розочек в красной обертке.

А так — пришлось тащить его обратно, как последнему лузеру.

Как бы Марина теперь его не сожрала. Она ведь учует шоколад и за километр.

15 МАРТА, СРЕДА

Настя наконец-то пришла сегодня в школу после больничного!

А я даже свои розочки не взял, чудом сохранившиеся в дальнем ящике шкафа от прожорливой Марины! Вчера и позавчера носил в портфеле, а вечером выложил, чтобы не мялись, и сунул в свое укромное место — а сегодня забыл, остолоп!

Сразу после первой литры я подошел к Насте, подловив момент, когда она стояла одна у раздевалки и листала что-то в телефоне, и как бы между прочим заговорил:

— Привет.

— Ну, приветик. — Она, не поднимая головы, продолжала что-то смотреть на мобильном.

— А я тут черепаху сфоткал. Красавинскую, — уточнил я на всякий случай.

Настя посмотрела на меня.

— Да? — И со сдержанным любопытством спросила: — Ну и как она?

— Страшилище, — зачем-то ляпнул я, хотя Фишка и не была никаким страшилищем.

— Красавин и страшила! Хорошо звучит для заметки, а?

— Наверное, — кивнул я, хотя и не думал на самом деле, что название удачное. — Хочешь, покажу?

— Лучше скинь. — Она наконец улыбнулась.

И, отвечая на ее улыбку, я снова бесшабашно кивнул:

— Да без проблем!

И после этого торопливо, пока не закончилась перемена, перекинул Фишкины фотки по блютусу на Настин телефон.

Все-таки некоторые улыбки по-любасу способны загипнотизировать, на мой взгляд.

16 МАРТА, ЧЕТВЕРГ

Сегодня с утра Настя написала мне в личку на «Фейсбуке». В первый раз!

Она написала, что распечатала одну фотку в большом формате — специально для стенгазеты. И предложила вместе начать оформлять ее после уроков в школьной библиотеке. Все равно там никого не будет, и библиотекарша Аглая читает или переставляет свои книжки, и ей без разницы.

Помогать я с радостью согласился, а вот распечатанный большой глянцевый снимок мне не понравился.

Теперь, увеличенная, Фишка выглядела на нем какой-то особенно нелепой. Если ее не знать, запросто

можно решить, что она заторможенная или отсталая в развитии...

24 МАРТА, ПЯТНИЦА

Делать стенгазету не так-то просто, как может показаться на первый взгляд. Взопреть можно, пока разрисуешь ватман всякими вензельками и расклеишь все снимки и распечатки заметок. И пока исправишь то, что Настя забраковала...

Заниматься газетой получалось не каждый день, потому что дважды в неделю у Насти была музыкалка и один раз — французский. Ну а в понедельник и четверг в библиотеке после уроков мы делали газету. Аглая Степановна и правда почти не обращала на нас внимания. Но, ходя туда-сюда вдоль стеллажей, она иногда все же косилась на наши ватманы, фотки, кисточки, набор гуаши и разные маркеры — все в основном принесла Настя.

А я уже и не знал, какую новую отмазку придумать для Кира, почему я задерживаюсь и не тороплюсь домой.

Это оказалось довольно необычно и волнующе — делать что-то вместе с Настей, пусть даже эту сомнительную газету.

Но все равно мне было как-то не по себе.

Особенно нервировало, что эта несчастная черепаха на отпечатанном Настей снимке выглядела слишком уж большой и нелепой. Даже нелепее обычного.

А Настя к тому же расположила заметку про нее ровно посередине. То есть фотку посередине, а текст — по краям от нее, и первый же взгляд на газету сразу утыкался в рептилию.

И при этом первом взгляде посторонний человек стопудово заржет, так умильно Фишка склонила голову, глазея прямо в объектив. Это был случайный кадр, я даже не приглядывался, как снять, — и потому оказался самым дурацким. Ну а Настя по закону подлости выбрала именно его. Просто нарочно не придумаешь...

Никогда не думал, что клеить и раскрашивать газету — такой утомительный труд.

7 МАРТА, ПОНЕДЕЛЬНИК

Газету мы закончили еще в пятницу, но Настя решила вывесить ее попозже, после каникул.

Вот, собственно, они и начались.

В кинотеатрах ничего интересного нет. Да и вообще мне перед Киром как-то неудобно — хотя вроде бы и не за что, и поэтому я сказал, что не смогу пока гулять с ним и с Родиком, потому что занят. Точнее, даже не сказал, а написал в «Вотс-апе». Кир вряд ли понял, чем именно я занят, но переспрашивать не стал, написал только: «Ок, напиши, как сможешь».

3 АПРЕЛЯ, ПОНЕДЕЛЬНИК

Сегодня первый день последней четверти, и мне было как-то не по себе выходить с утра из подъезда. Потому что я за всю неделю каникул так Киру ничего и не написал. Однако он, как обычно, уже ждал у своего подъезда, я, как обычно, подошел, и мы без всяких расспросов, как и обычно, покатили в школу.

Настя на перемене сказала, что повесит газету сегодня вечером или, скорее всего, завтра утром перед уроками. Я ничего на это не сказал, только кивнул, и она, подмигнув, унеслась с подружками в столовую. У меня что-то не было аппетита, и я не пошел, хотя Кир несколько раз звал и даже предложил половину своего обеда.

За ужином я был в полном раздрае. Мама уже не спрашивала, что случилось, а только хитро улыбалась, как всегда, когда готовила нам какой-нибудь сюрприз или подарок. Мне было не особенно интересно, что она приготовила, — я ведь уже не детсадовец, как Тошка, чтобы игрушка или сладость могла меня развлечь. Ну, в смысле, если только это не видеоигрушка, но вряд ли у мамы вдруг завалялась такая.

Марина вяло переругивалась с Тошкой. Так как я не отвечал, ей пришлось волей-неволей переключиться на младшего брата, а шестилетний малявка, конечно, не самый лучший партнер по пикировке. Бабушка с папой оживленно обсуждали ремонт в прихожей, где пока был просто кавардак, и предстоящий ремонт на кухне. Видно, этот ремонт надолго.

Уйдя в свои мысли, я так и не смог осилить гречневую кашу с печенкой и первым вышел из-за стола. И сразу же отправился в свою комнату, в кровать. Потом, правда, все-таки заставил себя почистить зубы, раздеться, снова лег — и отрубился на всю ночь без всяких снов.

4 АПРЕЛЯ, ВТОРНИК

По ощущениям, я закрыл глаза и почти сразу же их открыл — но в окно уже светило солнце.

Утро.

По-весеннему беззаботное.

Я застонал при мысли о том, что сейчас придется спускать ноги с кровати, завтракать и топать в школу, где в нашем классе уже наверняка висит состряпанная нами стенгазета... Возникло ощущение, что я отдал Насте какую-то ценную и хрупкую вещь, а она даже не следит за тем, чтобы это не разбилось.

Я все-таки спустил ноги с кровати, и тут мелькнула обнадеживающая мысль — может, пожаловаться маме

на боль и слабость и выбросить у нее справку-освобождение на день? И я бы даже не слишком соврал, чувствовал-то я себя на самом деле паршиво.

Это, конечно, не совсем решение проблемы, но, может, все как-нибудь разрешится и без моего участия? Честно, я уже устал об этом думать.

— В последнее время ты будто воды в рот набрал, — заметила ма, пока я пытался разделаться с бутербродом, запивая его чаем.

Я специально ел медленнее, чем обычно, растягивая время, чтобы выйти попозже и не столкнуться на улице с Киром. Неохота было заходить в школу и видеть эту стенгазету вместе с ним.

— Думаю, кое-что тебя развеселит, — добавила мама хитрым голосом.

Я поднял на нее глаза, уже почти решив пожаловаться на головную боль и выбить справку для классной, что у меня плохое самочувствие.

— Я еще позавчера хотела тебе сказать, но совсем вылетело из головы с этим ремонтом. — Мама сделала круглые глаза и прижала ладони к вискам. — А вчера ты чуть ли не спал за ужином. В общем, мне позвонили родители Кирилла, просили разрешить взять тебя с ними в Черногорию на майские праздники. У них как раз есть в машине одно место, а Кириллу веселее в компании. Да и тебе море не повредит, и вообще не помешает хоть немного загореть. Но это, конечно же, при условии, что ты поклянешься мне слушать родителей Кирилла и не лезть в море. Там вода еще холодная, но зато и солнце, и воздух, и вообще красота — помню, когда мы с папой там были, тоже, кстати, в мае...

— И что ты сказала? — Я сам не узнал свой голос — тонкий, как у девчонки.

— Я сказала, что не против. В родителях Кирилла я уверена так же, как в нем самом, а мы на май как раз запланировали небольшой ремонт... Ну что молчишь? Не слышу радости. Сам-то ты не против или как?

— Я... Сейчас, — сказал я, наконец обретая свой настоящий голос и срываясь с места, — я уже в школу опаздываю... Я пошел!

И второпях умывшись, одевшись и подобрав портфель (и забыв при этом шапку и шарф), я вылетел из квартиры.

— Постой, а завтрак? — успела только крикнуть вслед мама, прежде чем входная дверь с мрачным треском захлопнулась, а я помчался вниз по лестнице и на улицу к школе. Кира у его подъезда, конечно, уже не было.

К счастью, бежать мне было пять минут. И, к несчастью, в школе уже висела стенгазета. Даже больше того — она висела вовсе не в нашем классе, а на первом этаже в коридоре, на всеобщем обозрении, где все могли на нее полюбоваться.

И все уже любовались.

Около газеты собралась толпа среднеклассников, и еще хуже того, в ней уже раздавались смешки! И громче всех заливалась стоявшая в центре этой толпы Настя. Смеясь и закидывая вверх голову, разбрасывая по плечам светлые кудряшки, она становилась еще красивее — но почему-то уже не казалась такой милой, как раньше. Вряд ли я вообще ей когда-нибудь нравился.

Я обхватил голову руками. Какой же я дурак! И ничего уже не поправить, не вернуть — и не видать мне теперь Черногории как собственных ушей...

— И откуда эта фотка? — негромко произнес рядом знакомый голос.

Я дернулся и обернулся — за моей спиной стояла Дымакова. Как же ее зовут — Ольга, что ли? Звали-то ее все исключительно Дымакова.

— Еще и с такой подписью.

— Я сфоткал, — зачем-то признался я.

Хотя что она мне, прокурор, что ли?

— Ну и глупо, — кратко заметила Дымакова. Она вообще была немногословна. — Она ведь просто отыграться хотела.

— Отыграться? — эхом отозвался я.

— Ну да. Она ему валентинку на 14 февраля послала, а он не ответил.

— Насте нравился Кир? — переспросил я, чувствуя себя еще более глупым.

Я был настолько ошарашен, что даже чуть было не ляпнул: «Колясочник?»

Теперь Дымакова глянула мне прямо в глаза с удивлением и даже сожалением. И еще, кажется, с разочарованием. Сначала она явно не хотела это комментировать, но потом все же ответила, дернув плечом:

— Ну, он умный. — Она так сказала, будто это само по себе все объясняло. И как будто сама она, Дымакова, тоже запала на Кира.

А я-то думал, она — кремень.

Дымакова, больше ничего не добавив, повернулась и потопала на урок, не дожидаясь звонка.

Интересно, и почему все эти умные советчики появляются, когда дело уже сделано и поздно что-то менять? Сейчас-то я, может, и сам жалел, да что толку.

Первым моим порывом было стащить на фиг эту газету с доски, но я не посмел. Во-первых, ее уже все видели. Во-вторых, Насте могло попасть от Аллы Сергеевны за срыв поручения, а там были еще какие-то заметки и помимо «черепашьей». Даже пара Настиных стихов и моих рисунков.

И поэтому все, на что меня хватило, — это подойти к газете после звонка на урок, когда все уже разбежались, и закрасить черным маркером насмешливую подпись к фотке Фишки: «Какие хозяева — такие и животные». Хорошо хоть мне хватило ума настоять на том, чтобы эту насмешку Настя не вывела в заголовок.

На урок литературы я в итоге не попал — Игорь Валентинович очень не любил опоздунов, и чтобы не ждать следующего — по расписанию классного часа у Аллы Сергеевны, — я решил и вовсе свинтить потихоньку домой.

Голова заболела уже по-настоящему, так что теперь я точно не совру маме, когда скажу, что плохо себя чувствую.

Вот парадокс — когда я специально пытался заболеть с помощью эскимо и ледяного душа перед четвертной контрольной по матике, ничего не вышло, а тут нисколько не старался — и пожалуйста. Даже горло уже побаливало, и в уши словно песка насыпали.

Может, это из-за недавней пробежки — несмотря на апрель, ветер сегодня был прямо-таки пронизывающий.

Выходит, Насте понравился Кир, и она ему наверняка тоже — не представляю, чтобы Настя могла кому-то не понравится. По крайней мере с первого взгляда. А он ей не ответил, потому что знал, наверное, что она нравится мне. А она в итоге меня использовала, чтобы отыграться, — и так, чтобы в итоге я сам почувствовал себя подлецом...

Не успел я перешагнуть порог дома, как зазвонил мобильник. Я глянул на дисплей — Кир.

Наверное, да, лучше выяснить все сразу.

Конечно, я предпочел бы это отложить, но, с другой стороны, что толку в оттягивании.

— Привет, Ромка, — заговорил Кир как ни в чем не бывало (но я-то знал, что это обманчивое впечатление), — слушай, а почему ты в школу не пришел? Я ждал у подъезда до упора.

Я ничего не ответил, потому что в школу все-таки пришел.

— Ну ладно, — продолжал между тем Кир, — я как раз хотел рассказать...

— Мне было стыдно, — наконец отмер я. — Я не знал, что так выйдет... то есть догадывался, конечно, но... Когда Настя попросила, я думал, это будет просто прикол, шутка, ничего такого... Я не знал, что она прямо на первом этаже развесит... — Я замолчал, чтобы перевести дух, — извиняться оказалось довольно-таки трудным делом, особенно если не имеешь к этому привычки.

— При чем здесь Настя? — удивился Кир, и его голос зазвучал напряженнее. — Я, наоборот, хотел сказать спасибо за фотку. Я только после литры увидел. Ребятам Фишка, кажется, понравилась, и они даже вроде перестали на меня обижаться, а Алла Сергеевна попросила рассказать о ней на классном часе, и я рассказал... А ты, выходит, — перебил он сам себя, — это по приколу сделал? Не сюрприз, а просто чтобы посмеяться? Вместе с Настей?

— Кир, я... — Я замолчал, поскольку, как уже говорил, извиняться не моя стихия, и что еще сказать, я не мог придумать.

— Ладно тогда, — произнес Кир, не дождавшись продолжения, — ладно. — И нажал на отбой.

11 АПРЕЛЯ, ПОНЕДЕЛЬНИК

Кажется, я все-таки заболел. Обидно, когда это случается просто так, а не перед контрольными. Сейчас вот впервые за день вылез с кровати, как только мама вышла с градусником и за таблетками, чтобы записать пару слов. А уже, на минуточку, вечер.

АПРЕЛЬ

Пишу лежа в постели. Температура еще держится высокая, как говорит мама. Да я и сам чувствую. И тогда начинает снится всякая галиматья. Горло болит так, что больно не только глотать, но и кашлять и даже дышать. А кашлять приходится часто.

Док выписал какие-то таблетки, просто огромные. Их фиг проглотишь, а толку ноль. Но особенно про-

тивные эти полоскания с солью и содой, по бабулиному рецепту.

ВСЕ ЕЩЕ АПРЕЛЬ

Ну, ошибся. С кем не бывает? Кто вообще не ошибается, а?

Покажите мне таких, и я поржу в голос! Конечно, когда голос вернется и можно будет дышать спокойно. Без опасения выкашлять наружу все нутро.

Интересно, этот апрель когда-нибудь закончится?

1 МАЯ

Вчера снова снилось, как я объясняю Киру и его родителям, что я ничуть не хотел обижать их черепаху и смеяться, что это просто недоразумение и мы друг друга не поняли. И поэтому меня обязательно нужно взять на майские праздники в Черногорию — почему бы нет? Мне бы сейчас это очень не помешало!

Это был какой-то долгий, выматывающий разговор, в котором все повторяли одни и те же фразы, просто меняя в них слова местами, и это оказалось очень утомительным.

И наутро я проснулся разбитый и совершенно не чувствовал себя отдохнувшим — даже наоборот. Тошку из моей комнаты временно эвакуировали к бабушке с Мариной, чтобы он не заразился, и Марина от такого соседства была, понятное дело, не в восторге.

В школе уже знают, что я заболел, но приходит с домашкой ко мне только молчаливая Дымакова. Все ее визиты строятся по одному сценарию: она звонит в дверь, заходит, вежливо здоровается, передает маме, бабушке или папе (кто отрывает в тот момент дверь) листок с заданиями по всем предметам, важно прощается и уходит.

Хотя мне сейчас не до домашки, и мама разрешает ее не делать.

Мама вообще за меня сильно тревожится, я вижу это по ее глазам, когда они с бабушкой по очереди пытаются накормить меня куриным бульоном, от которого меня уже воротит. Как воротит и от любой еды, только чай с лимоном идут на ура. А Кир даже ни разу не позвонил. Ну да, они с родителями сейчас в Черногории, но эсэмэску написать все равно можно было.

Хотя кому охота общаться с подлецами?

2 МАЯ, ВТОРНИК

— Тебя Кирилл тут пришел навестить, — вдруг сказала с утра мама. — То есть, я хотела сказать, подъехал... Короче, он здесь, играет пока с Тошиком.

Я сначала даже подумал, что ослышался. Как — Кирилл пришел? Он же с родителями в Черногории! Да и вообще... Я попытался глубоко вдохнуть и, как водится, снова закашлялся.

— Он сейчас с Тошкой играет. Он и раньше... появлялся, но мы боялись, что он может заразиться, а сейчас он в маске пришел. Да и врач сказал, динамика уже положительная. Если хочешь, я скажу, чтобы лучше все-таки потом навестил, а? — тревожно предложила мама.

Она снова ничего не поняла!

— Я норм, — кое-как просипел я, приподнимая голову из своих одеял и шарфов, словно старая черепаха из панциря. — А чего... он не позвонил?

— Так ты же сломал свой телефон, сынок, — осторожно сказала мама. — То ли лег на него, то ли бросил как-то неловко. Еще когда только заболел. А новый мы пока еще не успели купить. Вот выздоровеешь — и вместе сходим.

Странно, что я этого нисколько не помнил. Мне даже казалось все это время, что сотик лежит рядом, возле меня на столике, и мрачно поблескивает в своем мрачном и беспросветном молчании.

— А... Черногория? — сипло спросил я.

— А, — мама тепло улыбнулась, — они перенесли поездку на июнь. Андрей Стефанович сумел поменяться с кем-то отпуском. А тебе после ангины совсем неплохо будет подышать морским воздухом... Кирилл еще принес рисунок от какого-то Родиона, ты его знаешь? Это тот, кто написал городской пейзаж, да? Признаюсь, я очень рада, что у тебя появился такой друг, как Кирилл, — не подумай, что мне не нравился Женя Васнецов, но, по-моему, он постоянно втягивал тебя в какие-то авантюры... Ты что, обиделся? Ну что ты. — Мама пересела поближе ко мне на кровати и обняла, прижав к себе как детсадовца. Живот у нее уже округлился и вообще стал довольно заметен. И как она только не боялась от меня заразиться? — Ну не сердись, милый, не плачь, что ты... Я просто хотела сказать, я очень рада, что у тебя появился такой друг, как Кирилл...